

обзорная статья

eLibrary EDN: LDEYSG

Некоторые особенности мира прототюрков (на основе реконструкции моносиллабов)

Новгородов Иннокентий Николаевич

Международный информационно-аналитический журнал «Crede
Expert»: транспорт, общество, образование, язык», Россия, Иркутск
eLibrary Author SPIN: 4830-9960
<https://orcid.org/0000-0002-9378-0987>
Scopus Author ID: 14621907300
i.n.novgorodov@mail.ru

Саая Оюмаа Маадыр-ооловна

Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-
экономических исследований при Правительстве Республики Тыва,
Россия, Кызыл
eLibrary Author SPIN: 3539-6915
<https://orcid.org/0000-0002-3775-2391>
Scopus Author ID: 57205293264

Конурбаева Роза Эсенамановна

Национальная академия наук Кыргызской Республики,
Кыргызстан, Бишкек
eLibrary Author SPIN: 2165-0130
<https://orcid.org/0009-0003-6447-4037>

Охотникова Светлана Валерьевна

Чувашский государственный институт гуманитарных наук,
Россия, Чебоксары
eLibrary Author SPIN: 9427-2916
<https://orcid.org/0009-0005-9824-8008>
Scopus Author ID: 60334779900

Аннотация: Тема происхождения тюркского языкового континуума на фоне древнейших популяций *homo sapiens* остается актуальной длительное время из-за противоположных идей алтайского (транс-евразийского) родства и его отрицания. Для решения проблемы необходимо использование трансдисциплинарного подхода, что предопределяет новизну исследования. Цель статьи – попытка реконструкции некоторых особенностей мира прототюрков на базе специфического моносиллабизма якутского, чувашского, тувинского, кыргызского и пратюркского языков на сравнительно-историческом фоне. Использование разнообразной методики, трансдисциплинарного подхода привело к отрицанию трансевразийского родства. Соотнесение мира пратюрков и хунну, мира прототюрков и культуры плиточных могил представляет собой исключительно авторскую концепцию, не претендующую на абсолютную истину и требующую дальнейшей верификации. Прототюркское популяционное разнообразие произошло в Монголии. Факты языкового разнообразия обнаруживаются в тюркском праязыке там же. Тюркский языковой континуум возник не в результате дивергенции (распада) алтайского (трансевразийского) праязыка, а в результате начавшейся конвергенции (схождения) прототюрков и европеоидов и их языков в рамках культур плиточных могил и керексурсов с оленными камнями в промежутке с XIII–XII вв. до н. э. до VIII–VII вв. (IX–VIII вв.) до н. э. в Южной Бурятии и Монголии и перехода европеоидов на прототюркский, завершившегося дивергенцией (распадом) последнего. Возможно, эти события отражены во взаимоотношениях предков сюнну (хунну) с ди и жунами в китайских повествованиях. Пратюркский язык распространился среди индоевропейцев и функционировал до I в. до н. э., то есть до широкой конвергенции тюрков с миром древних китайцев и их языком. Мир прототюрков связан со сменой времен года, степью и горной местностью, местами, пригодными для животноводства, изобилующими водными объектами, явлениями природы, приводящими к падежу скота от бескормицы. Прототюрки, будучи кочевниками, занимались шитьем, обтесыванием различных материалов, изготовливанием луков, производством масла, имели представление о письме, счете.

Ключевые слова: трансдисциплинарный подход, прототюркский язык, пратюркский язык, якутский язык, чувашский язык, тувинский язык, кыргызский язык, культура плиточных могил, культура керексурсов с оленными камнями, монголоиды, европеоиды

Цитирование: Новгородов И. Н., Саая О. М.-о., Конурбаева Р. Э., Охотникова С. В. Некоторые особенности мира прототюрков (на основе реконструкции моносиллабов). *СибСкрипт*. 2026. Т. 28. № 4. С. 657–682. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2026-28-4-657-682>

Поступила в редакцию 27.10.2025. Принята после рецензирования 26.02.2026. Принята в печать 02.03.2026.

review article

Some Features of the Proto-Turkic World: Reconstructing Monosyllables

Innokentiy N. Novgorodov

International informational and analytical journal Crede Experto:

Transport, Society, Education, and Language, Russia, Irkutsk

eLibrary Author SPIN: 4830-9960

<https://orcid.org/0000-0002-9378-0987>

Scopus Author ID: 14621907300

i.n.novgorodov@mail.ru

Oyumaa M.-o. Saaya

Tuvan Institute of Humanities and Applied Social and Economic Research

under the Government of the Republic of Tuva, Russia, Kyzyl

eLibrary Author SPIN: 3539-6915

<https://orcid.org/0000-0002-3775-2391>

Scopus Author ID: 57205293264

Roza E. Konurbaeva

National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic,

Kyrgyzstan, Bishkek

eLibrary Author SPIN: 2165-0130

<https://orcid.org/0009-0003-6447-4037>

Svetlana V. Okhotnikova

Chuvash State Institute of Humanities, Russia, Cheboksary

eLibrary Author SPIN: 9427-2916

<https://orcid.org/0009-0005-9824-8008>

Scopus Author ID: 60334779900

Abstract: Disputes about Altaic (Transeurasian) kinship make the issue of the origins of the Turkic language continuum a relevant scientific area. To address this problem, Turkology and Altaic studies use a transdisciplinary approach. The article attempts to reconstruct some features of the Proto-Turkic world by comparing monosyllabism in the Yakut, Chuvash, Tuvan, Kyrgyz, and the Turkic Ursprache languages against a comparative-historical background. The diverse methodology and transdisciplinary approach lead to the denial of the theory of Transeurasian kinship. The correlation between the worlds of the Xiongnu and the Ursprache Turks, the Proto-Turks and the slab-grave culture represents an exclusively authorial concept, making no claim to absolute truth and requiring further verification. The diversification of the Proto-Turkic population occurred in Mongolia, where evidence of linguistic diversity was found in the Turkic Ursprache. The Turkic language continuum did not arise as a result of the divergence (disintegration) of the Altaic (Transeurasian) proto-language, but as a result of the early convergence of the Proto-Turks and Caucasoid populations and their languages within the slab-grave and deer stones (kereksur) cultures. This took place during the period between the 13th–12th centuries BC and the 8th–7th centuries (or 9th–8th centuries) BC in Southern Buryatia and Mongolia, leading to the transition of the Caucasoid populations to Proto-Turkic and its subsequent divergence. Probably, these events were reflected in Chinese narratives about the relationship between the Di and Rong and the ancestors of the Xiongnu. The Proto-Turkic world is associated with the change of seasons, steppes, mountains, pastures, and abundant water bodies, as well as with periodic extreme weather events leading to livestock deaths due to a lack of food. The nomadic Proto-Turks were engaged in sewing, hewing, making bows, and producing oil, and they also had knowledge of writing and arithmetic.

Keywords: transdisciplinary approach, Proto-Turkic language, the Turkic Ursprache, Yakut language, Chuvash language, Tuvan language, Kyrgyz language, slab-grave culture, deer stones culture (kereksurs), Mongoloids, Caucasoids

Citation: Novgorodov I. N., Saaya O. M.-o., Konurbaeva R. E., Okhotnikova S. V. Some Features of the Proto-Turkic World: Reconstructing Monosyllables. *SibScript*, 2026, 28(4): 657–682. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2026-28-4-657-682>

Received 27 Oct 2025. Accepted after peer review 26 Feb 2026. Accepted for publication 2 Mar 2026.

Введение

В статье продолжены начатые трансдисциплинарные исследования по теме «Возникновение пратюрков и их языка», которая была представлена в виде очного доклада и публикации на Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Славяно-тюркский мир: история и современность» [Новгородов 2024] и очного доклада «Некоторые особенности мира прототюрков на основе реконструкции моносиллабов» на второй Международной научно-практической конференции «Славяно-тюркский мир: история и современность».

Тема происхождения тюркского языкового континуума на фоне древнейших популяций *homo sapiens* для тюркологии и алтаистики актуальна, т. к. существуют противоположные взгляды в этом вопросе: одни утверждают, что тюркская общность (*proto-Turkic*) родственна трансевразийской (алтайской, тюрко-монгольской) и возникла в результате последовательной дивергенции (распада и обособления) [Robbeets 2017: 103]; другие не согласны с утверждением родства алтайских (трансевразийских) языков и считают, что первичное тюркское языковое разнообразие возникло в результате конвергенции (смешения, схождения) прототюрков, древних восточно-иранских, восточно-индоевропейских народов, на базе этого явления прототюркский язык разделился на две группы: *z* (огузский тип – *Şaz*-язык) и *r* (огурский, болгаро-чувашский тип – *Lir*-язык) – вследствие влияния восточного индоевропейского языкового субстрата [Егоров 2017: 55, 56, 117, 118].

Противоположные взгляды имеют давнюю историю и возникли вскоре после появления научной теории о языке, выдвинутой Р. Раском, Ф. Боппом, Я. Гриммом в начале XIX в. на индоевропейском материале в виде дивергенции праязыка. Эти идеи были распространены на другие языки, например, В. Шотт сформулировал урало-алтайское родство языков [Schott 1849]. Критика идей В. Шотта была дана О. Н. Бётлингом в его знаменитом труде "Über die Sprache der Jakuten" (1851 г.) [Бётлингк 1990: 44–51].

Теоретические идеи о возникновении языков на базе дивергенции сформулировал М. Мюллер. Так, он утверждает, что нет смешанных языков [Müller 1862: 63, 65]. Отсюда следует, что языки возникают благодаря дивергенции (распаду). После этого В. В. Радлов осуществил классификацию, исключая чувашский и якутский языки

как не относящиеся по происхождению к тюркским [Radloff 1882: 280–291], и выдвинул идею о конвергентном характере связей алтайских языков (согласно публикации С. М. Широкогорова [Широкогоров 2002: 66]). Почти в то же время Г. Шухардт в книге "Slavo-deutsches und Slavo-italienisches" (1884 г.) утверждает, что несмешанных языков не существует, а позже заявил в "Sprachursprung" (1919–1921 гг.), что родство языков возникает вследствие смешения [Шухардт 1950: 73, 74, 176, 177, 280, 284]. То есть языки возникают в результате конвергенции (схождения).

В начале XX в. П. М. Мелиоранский развил идеи О. Н. Бётлингга об изучении тюркских языков самих по себе, без приведения полученных результатов в соответствие с очень смелыми, но недоказанными гипотезами, и отстаивании мысли о том, что только в результате глубокого сравнительного исследования тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков порознь буден дан окончательный ответ на вопрос о природе обнаруживаемых в них сходств [Мелиоранский 1904; Melioranskij 1904].

Позже идеи о дивергентном / конвергентном характере связей (урало-)алтайских языков стали развиваться порознь.

Дивергенция нашла развитие в собственно алтаистическом варианте у Г. Рамштедта [Ramstedt 1952–1966], Н. Н. Поппе [Poppe 1960], Р. Миллера [Miller 1971], С. Старостина [Starostin et al. 2003] и др. В последнее время проводятся трансевразийские (алтайские) исследования М. Роббитс [Robbeets 2015], включая междисциплинарные [Robbeets et al. 2021]. Изучение дивергенции алтайских (трансевразийских) языков происходит на фоне идей, например теории моногенеза языка [Иванов 1990], ностратических построений [Иллич-Свитыч 1976].

Существует сомнение в результатах трансевразийских построений, и поэтому целесообразно провести выявление фактов конвергенции и последующее изучение оставшегося фонда сходств для установления характера связей обсуждаемых языков [Туймебаев 2024]. Между тем в истории алтаистики в подобном ключе уже предпринимались исследования алтайских (тюрко-монголо-тунгусо-маньчжурско-корейско-японских) языковых связей в целом [Дёрфер 1981; Клоусон 1969; Щербак 1959; Vovin 2005] и порознь, ср. тюрко-монгольских Дж. Клоусоном [Clauson 1962], Г. Дёрфером [Doerfer 1963–1975], А. М. Щербаком

[Щербак 1986; 1997; 2005], монголо-тунгусо-маньчжурских Г. Дёрфером [Щербак 1989; Doerfer 1985], японо-корейских А. В. Вовиным [Vovin 2010]. Предпринято исследование алтайских заимствований в тунгусо-маньчжурских языках [Щербак 2020], имеется также обзор исследований по контактам тунгусо-маньчжурских языков Ю. Янхуненом [Janhunen 2013]. Авторы пришли к заключению о конвергентном характере связей алтайской языковой общности.

Параллельно этим исследованиям развиваются взгляды В. В. Радлова, например о нетюркском происхождении якутского и тувинского языков [Кормушин 2002: 600–602].

Обзор основных исследований выявил длительное обсуждение алтайской проблемы, остающейся не решенной и поэтому актуальной. Для того чтобы выяснить столь длительное обсуждение проблемы, необходимо рассмотрение основных вопросов эволюции сравнительно-исторического языкознания и его методологии, например, в России с позиций востоковедения, тюркологии, алтаистики, бывшего политического руководства СССР, в отдельной публикации. Для развития тюркологии и алтаистики в России нужно обратиться к опыту изучения фундаментальных проблем.

Известно, что сравнительно-исторический метод основан на спорной гипотезе о родословном древе, тогда как создать равноценную методику работы с конвергенцией языков не удалось [Алпатов 2006: 10]. Здесь нужно учитывать, что сравнительно-историческое языкознание не может дать реальное представление по эпохе первобытных языков, по ним могут быть высказаны более или менее вероятные гипотезы [Реформатский 1960: 371], т. е. едва ли удастся получить научные сведения о языках народов, живших в каменном веке и использовавших каменные орудия. Применение сравнительного метода для целей исторического языкознания ограничивается относительно небольшим периодом, реконструкция на уровне V–VI тыс. до н. э. вызывает сомнения и по существу не достоверна [Щербак 1994: 150]. Между тем позже этой датировки происходит образование языков и популяций, и эти явления могут быть рассмотрены наукой.

В сравнительно-историческом языкознании при описании языков должен учитываться сравнительно-исторический фон для получения объективного представления об изучаемом явлении. Это предполагает изучение прямой связи языка и общества,

исследуемой комплексом гуманитарных наук, что предполагает изучение, например, корреляции данных сравнительно-исторического языкознания с результатами исследований по антропологии, истории, археологии, популяционной генетике.

В настоящее время существуют отдельные подходы: сравнительно-исторического языкознания, антропологии, истории, археологии, популяционной генетики, применяемые порознь в исследовании эволюции, например народов алтайской общности. Результаты, полученные в области этих наук, не связаны единой методологией исследования, и поэтому с точки зрения отдельных наук складываются различные представления о народах.

Для решения проблемы дивергентного / конвергентного происхождения языков и их носителей необходимо применение трансдисциплинарного подхода, т. е. применение синтеза методологий различных наук для получения объективного, цельного, всестороннего, интегрального представления о народах алтайской общности.

Исследование в этом направлении позволит выявить действительное соотношение языков, возникших на базе дивергенции и конвергенции, и отразить данные процессы в современных классификациях языков; создаст базу для формирования относительных совокупных данных для понимания эволюции конкретных популяций *homo sapiens* и его языка в пространстве и времени.

Обращение к трансдисциплинарному подходу является попыткой преодоления ограничения и совмещения дивергентной и конвергентной методологии в сравнительно-историческом языкознании, в частности в тюркологии и алтаистике; применения единой методологии различных наук и корреляции их данных в изучении эволюции конкретных популяций *homo sapiens* и его языка в пространстве и времени, и тем самым формулирует теоретическую значимость исследования.

Теоретическое существо, в частности, алтайской (трансевразийской) проблемы состоит в том, что и языки, и сами носители этих языков, т. е. конкретные популяции *homo sapiens* возникают на базе дивергенции и конвергенции, и в дальнейшем необходимо установить дивергентный / конвергентный характер происхождения языков и культур, используя современные подходы, в том числе трансдисциплинарный [Новгородов 2022; Pakendorf 2007; Pakendorf, Novgorodov 2009; Pakendorf et al. 2006; Thomanson, Kaufman 1991: 1–5].

Цель данной статьи – попытка реконструкции некоторых особенностей мира прототюрков на базе специфического моносиллабизма якутского, чувашского, тувинского, кыргызского и пратюркского языков на сравнительно-историческом фоне. Это станет базисом для дальнейшего изучения прототюркского; рассмотрения современных взглядов классификационного статуса тюркских языков как отдельной языковой семьи / группы, не имеющей отношения к дивергенции (распаду) алтайской (трансевразийской) и других общностей или, наоборот, имеющей отношение к дивергенции (распаду) в составе алтайской (трансевразийской) и др. общностей; решения проблемы формирования первичного тюркского разнообразия в результате конвергенции (смещения, схождения) прототюрков, древних восточноиранских, восточно-индоевропейских народов.

Задачи:

- 1) определить материалы и методы исследования прототюркского языка;
- 2) произвести реконструкцию фрагмента прототюркского вокабуляра;
- 3) выявить некоторые особенности мира прототюрков;
- 4) обсудить полученные результаты исследования с точки зрения трансдисциплинарного подхода на сравнительно-историческом фоне;
- 5) обобщить полученные результаты и наметить аспекты дальнейших поисков.

Методы и материалы

В тюркологии были попытки проникнуть дальше вглубь тюркской языковой истории и были выявлены фонологически значимые вокально-вершинные и консонантовершинные слоговые акценты прототюркского, что свидетельствовало о моносиллабизме (односложности) корня и аналитическом строе идиомы [Щербак 1970: 71, 122, 136, 137]. На месте вокальновершинного слога прототюркского языка развились первичные долгие гласные пратюркского языка, на месте консонантовершинного слога возникли долгие согласные [Новгородов 2024: 169; Щербак 1970: 136, 137]:

**āt* > **āt* > аз. *ad* 'имя'

**aŕ* > **aŕ* > аз. *at* 'лошадь'

**ũ* > **ũ* > др.-уйг., як. *ũ* 'сон'

**ũ* > **ũ* > др.-уйг. *ũ* 'мочь', 'выносить, выдерживать'.

Указанный прототюркский моносиллабизм (т.е. односложные слова, содержащие один гласный звук)

представляет собой первичный базис тюркских языков, и его анализ проливает свет на самый древнейший прототюркский этап развития тюркских языков, мир прототюрков и пути формирования пратюркского языкового континуума.

Из примеров видно, что первичная долгота гласного в тюркском праязыке образовалась не в результате стяжения согласного, вознаградительной долготы, а благодаря дивергенции слоговых акцентов [Щербак 1970: 122–138]. Эти выводы были сделаны на базе реконструкции пратюркской фонологии; кроме того, была изучена пратюркская морфология и лексика [Щербак 1994: 3].

С точки зрения сравнительно-исторического языкознания для изучения особенностей прототюркского языка и его словарного состава в виде корней, отражающих мир прототюрков, мы обратили внимание на пратюркский язык и современные якутский (як.), чувашский (чув.), тувинский (тув.), кыргызский (кырг.).

Мы исходим из того, что на основе современных языков реконструируется праязык, а с учетом данных последнего освещается протоязык.

В рамках статьи мы обратились к пратюркским реконструкциям архетипов с начальным межзубным щелевым согласным и первичной долготой гласного [Щербак 1970: 56, 79], представленных в якутском, чувашском, тувинском, кыргызском вокабулярах.

Выбор фонем и языков из всей совокупности фонетики и классификационных групп для изучения прототюркского базиса предопределен тем, что в якутском, чувашском, тувинском, кыргызском и близкородственных им идиомах (например, телеутском для кыргызского) представлены глухие начальные согласные или их следы (например, *c*- в кыргызском на месте *ŷ*- огузского), а также в якутском сохраняется первичная долгота гласного, ее следы обнаруживаются в кыргызском и, например, в виде ротацизма в чувашском, отсутствия фарингализации на месте первичной долготы гласного в тувинском. Первичная долгота гласного и глухой анлаут в совокупности отражают древнейшее состояние тюркских языков [Там же: 122, 160].

Основным методом исследования является сравнительный [Там же: 15–19]. Сравнение осуществляется на базе поликомпонентной классификации тюркских языков А. М. Щербака, согласно которой в пратюркском языке были представлены все классификационные группы (например, якутская, чувашская, урянхайская (тув. и др.),

кыпчакская (кырг. и др.) и др.) [Щербак 1994: 12–42]. В изучении материала применяется также методика выявления заимствований [Щербак 1960]. В реконструкции прототюркских архетипов использовались материалы якутского, чувашского, тувинского, кыргызского языков и пратюркские архетипы [Щербак 1970: 196, 197].

Результаты

Результаты исследования представлены в виде основного (цифрами от 1 до 36) и дополнительного списков.

В некоторых случаях реконструкция архетипов А. М. Щербака и наши реконструкции отличаются. Различающиеся реконструкции написаны после реконструкций А. М. Щербака. Здесь нужно иметь в виду замечание знаменитого тюрколога и алтаиста: «Предстоит... произвести проверку всех праформ с целью степени достоверности их реконструкции на общетюркском уровне» [Щербак 1970: 193].

Основной список включает слова, восходящие к архетипам, содержащим начальный межзубный щелевой согласный и первичную долготу гласного.

1. **ḡā* ‘лук (оружие)’

як. *саа* id.

*чув. *су* id. ИН¹

чув. *уксу* ‘шерстобитный лук’, ‘лук для стрельбы’ < чув. *ук* ‘стрела’ + **су* ‘лук (оружие)’ ИН

чув. *ухā* ‘лук (оружие)’, ср. як. *ох* ‘стрела’ < **ок* ‘стрела’ [Щербак 1970: 195] ИН

тув. *ча* ‘лук (оружие)’

кырг. *жаа* id. РК, ср. тел. *јаа* [т’ā] ‘стрела’, сюг. *йа* ‘стрела’ ИН

2. **ḡāy* ‘масло, жир’ [Щербак 1970: 196], **ḡāk* ‘масло, жир’, ‘смазывать’ < **ḡā* ‘сбивать масло’ ИН

як. *сыа* ‘жир’

чув. *су* ‘масло, жир, сало’

тув. *чаг* ‘сало’

тув. *чаг-* ‘мазать, смазывать’, ‘пачкать, марать’ ИН

кырг. *жак* (южный диалект) ‘жир’ ИН

кырг. *йак* (южный диалект) id.

кырг. *жак-* ‘смазывать, намазывать’, ср. тел. *јак-* [т’ак-] ‘смазывать’ ИН

кырг. *май* ‘жир’, ‘масло’ РК, ср. тел. *май* ‘масло’ ИН

3. **ḡāj* ‘лето’

як. *сай*, *сайын* id.

чув. *су* id.

тув. *чай* id.

кырг. *жай* id.

4. **ḡāj-* (**ḡāj-*) ‘рассеивать’

(?) **ḡāj-* (**ḡāj-*) id. > як.

як. *тарҕат-* ‘рассеивать, распространять’ < як. *тарҕаа-* ‘рассеяться, расходиться, разбежаться’, ср. кырг. *тарка-* ‘разойтись’

(?) **ḡāj-* (**ḡāj-*) ‘рассеивать’ > чув. ИН

чув. *сар-* ‘рассеивать’ в значении ‘разбрасывать’ < **сэр-* ‘растягивать’, ‘раскладывать’, ‘расстелить’, ‘разбрасывать’ ИН

(?) **ḡāj-* (**ḡāj-*) ‘рассеивать’ > тув. ИН

тув. *чаш-* ‘разбрасывать, брызгать, рассеять’ ОС, ср. тоф. *чаши-* ‘брызгать, сеять’, хак. *чач-* ‘разбрызгивать, плескать’, ‘кропить’, як. *ыс-* ‘разбрасывать’, ‘разбрызгивать’, ‘кропить’, як. *ас* ‘волос’, ‘волосы’ < **сач-* ‘волосы’, ‘разбрасывать’, ‘рассеивать’ [Щербак 1970: 196] ИН

кырг. *жай-* ‘стлать, расстилать’, ‘распространять’, ‘пускать на пастьбу’

кырг. *таркат-* ‘распускать, рассеивать’ < кырг. *тарка-* ‘разойтись, рассеяться’ < **тар* ‘рассеивание’, ‘рассеивать’ ИН

5. **ḡāk-* ‘приближаться’, ‘подходить, нравиться’ [Щербак 1970: 196], **ḡāk* ‘то, что находится близко’, ‘сторона, бок’ < **ḡā* ‘находиться близко’ ИН

як. *чахчы* ‘именно, действительно, в самом деле’, ‘правда’ (ср. тел. *чакши*, хак. *чахсы*, ‘хороший’ [Севортян, Левитская 1989: 63]) < як. **чак-* + *иш*

< **чак-* + *иш* ‘то, что нравится, то, что подходит к друг другу’, ‘хороший, подходящий’ < **ḡāk-* ‘приближаться’, ‘подходить, нравиться’

як. *чугаһаа-* ‘приближаться’ < як. *чугас*, *сугас*, ‘близкий’, ‘близко’ < як. **чук-* (**сук-*) + *иш* ‘то что находится близко’ < **ḡāk-* ‘приближаться’

(?) **ḡāk-* ‘подходить, нравиться’ > як.

як. *сөбүлээ-* ‘нравиться’ < як. *сөп* ‘подходящий’, ‘верный, точный, правильный’, ср. тув. *чөп* ‘правильно’

чув. *сывар-* ‘приближаться’ < чув. *сывāх* ‘близость’, ‘близкий’, ‘близко’ < **ḡāk* ‘то, что находится близко’, ‘приближаться’

(?) **ḡāk-* ‘подходить, нравиться’ > чув. ИН

¹ Акронимы авторов статьи в тексте: ИН – И. Н. Новгородов, ОС – О. М.-о. Саая, РК – Р. Э. Конурбаева.

чув. *килѣш*- 'нравиться' < **кӓл*- 'подходить' [Щербак 1970: 195] ИН

тув. *чагда*- 'подходить, подступать', 'приближаться'
тув. *чоок* 'близкий', 'близко', ср. др.-тюрк. *јауиқ* 'близкий, находящийся вблизи', *јау-* 'приближаться'

(?) **ḡāk*- 'подходить, нравиться' > тув. ИН

тув. *таарыш*- 'подходить, нравиться' < тув. *таар*- 'стричь, подстригать (волосы, растения)', 'подгонять, прилаживать', 'подпиливать, подтесывать' ср. тоф. *таар*- 'отрубить, отрезать ровно поперек' ИН
кырг. *жакында*- 'близиться, приближаться' < кырг. *жакын* 'близкий' РК < **ḡāk*- 'приближаться'

кырг. *жак*- 'нравиться'

кырг. *жак* 'сторона, бок' РК < **ḡāk* 'сторона, бок', 'приближаться'

6. **ḡāl* 'грива'

як. *сиэл* id.

як. *саал* 'жировое отложение в верхней части шеи лошади'

чув. *силхе* 'грива'

тув. *чел* id.

кырг. *жал* 'грива', 'подгривенный жир'

7. **ḡām* 'сор, соринка'

(?) **ḡām* id. > як.

як. *сыыс* 'сор, соринка' < (?)

як. *бөх* 'мусор, сор' < **nok* 'кал, навоз', 'сор, мусор' [Щербак 1970: 196]

(?) **ḡām* 'сор, соринка' > чув. ИН

чув. *сӹпӹ* 'сор, соринка' < **чӹп* 'сор', 'соломинка', 'осадок' [Щербак 1970: 198] ИН

тув. *чам* 'соринка, сор'

тув. *бок* 'мусор, сор' < **nok* 'кал, навоз', 'сор, мусор' ИН

*кырг. *жам* 'сор, мусор' ИН в устойчивом словосочетании *күм жам* 'превращенный в прах' РК, ср. др.-тюрк. *јат* 'сор, соринка' ИН

*кырг. *чӹп* 'сор, мусор', ср. тел. *чӹп* 'сор, мусор' < **чӹп* 'сор', 'соломинка', 'осадок' ИН

кырг. *шыпырынды* 'сор, мусор (сметаемый, выметаемый)' РК < кырг. *шыпыр*- 'подметать', ср. кал. *сыпыранды* 'мусор', др.-тюрк. *sipir*- 'подметать, выметать' ИН

кырг. *кымын*, *кыпын* 'малейшая частица', 'пылинка, мельчайшие пылинки, носящиеся в воздухе', 'соринка' РК, ср. тур. *kılkıbrı* (< **kıl* + *kıbrı*) 'пыль, мусор', тур. *kibir* 'угольная пыль', тур. *kır kıprır* 'беспреданно шевелящийся,

беспреданно дрожащий', тур. *kıvılcım* 'искра', аз. *гығылчым* 'искра', тел. *кымын* 'искра', тел. *кыбыр* 'пепел', як. *кыым* 'искра', як. *кыбыан* 'искра' < **кыып* 'искра', несмотря на **кыым* 'искра' [Щербак 1970: 194] ИН

кырг. *таштанды* 'отбросы, хлам, утиль', 'сор' РК < кырг. *ташта*- 'бросать', ср. др.-тюрк. *taşla*- 'бросать (камень)' ИН

кырг. *акыр-чикир* < *какыр-чикир* 'барахло, барахлишко, хлам', 'мусор' РК, парное слово, где *какыр* 'сухое место, куда не доходит вода' (ср. др.-тюрк. *qaq* 'сухой, сушеный': *qaq et* 'сушеное мясо'), компонент *чикир* используется для усиления значения первого компонента и собственного значения не имеет, повторяя звуковой облик первого элемента парного слова ИН

8. **ḡān* 'сторона, бок' [Щербак 1970: 196] < **ḡā*- 'находиться близко' ИН

(?) **ḡān* 'сторона, бок' > як.

як. *ойоҗос* 'сторона, бок', 'ребро', ср. др.-тюрк. *ejägü* 'бок'

чув. *сум* 'бок', 'место, находящееся рядом'

чув. *ен* 'сторона' < тюрк.: тур. *уап* 'сторона, бок' ИН

тув. *чан* 'бок в *мырыңай чанында* 'под боком', 'окрестность, окружающая местность'

тув. *чаны* 'сторона' < тув. *чан* 'бок' ИН

тув. *быгын* 'бок', ср. др.-тюрк. *bīqin* 'бок' ИН

тув. *тала* 'сторона, бок', ср. хак. *талаа* 'бок, сторона' ИН

кырг. *жан* id.

кырг. *жак* 'сторона', 'бок' РК < **ḡāk* 'сторона', 'бок', 'приближаться' ИН

9. **ḡār* 'овраг, крутой берег'

як. *сыыр* 'гора', 'крутой, высокий берег'

чув. *сыр* 'обрыв, яр, откос берега', *сыр(ма)* 'овраг, крутой берег'

чув. *вар* 'овраг', 'середина, сердцевина', 'нутро', 'желудок, живот', 'лучшая часть волокна', 'овраг', 'лог', 'дол', 'глубокое сухое русло ручья', ср. як. *үөс* 'центр, средоточие, середина', 'середина реки', як. *үрэх* 'ручей' (ср. чув. *варак* 'русло', 'промоина', чув. *вар* 'глубокое сухое русло ручья' < *чув. *өр* 'ручей', 'река'), як. *өрүс* 'река' (< *чув. *өр* 'ручей', 'река'), кырг. *өзөн* 'русло, ложе речки', 'побережье речки', 'горная долина с речкой', др.-тюрк. *öz* 'сущность', 'сам', 'жизнь', 'сердцевина, нутро', 'жир', 'долина, проход между горами' < **ös* 'сам', 'существо', 'сущность', 'жизнь' [Щербак 1970: 195];

тюрк. значения 'середина, сердцевина' и 'горная долина с речкой' связывает як. 'середина реки', т. е. 'горная долина' воспринимается как некое ложе, в которой течет река ИН

(?) **ǰār* 'овраг, крутой берег' > тув. ИН

тув. *чарык* 'щель, трещина, скважина', 'расщелина, ущелье', 'яр' (ср. тоф. *чарык* 'распадок (на склоне горы)') < тув. *чар*- 'колоть, разделять, размывать (водой, например, берег)', *'рубить, рассекать' + *ык* < **ǰār*- 'рубить, рассекать' ИН

тув. *чоога* 'овраг' ОС < *тув. *чог*- 'бить', ср. др.-тюрк. *чоq*- 'бить, забивать (скот)' (> (а) тув. *чогуш* 'драка', ср. тув. *сок*- 'бить', *согум* 'забитый на зиму скот', (б) тюрк.: > мо.: м.-п. *čoki*- 'бить, ударять') + *-ka* < **чок*- 'бить' ИН, ОС

кырг. *жар* 'яр, обрыв, крутой берег'

10. **ǰār*- 'рубить, рассекать'

як. *сиир*- 'прорывать'

чув. *çур*- 'рвать, разрывать, рассекать'

тув. *чар*- 'колоть, разделять; размывать (водой, например, берег)'

кырг. *жар*- 'колоть'

11. **ǰās* 'весна'

як. *саас* id.

чув. *çур* id.

тув. *час* id.

кырг. *жаз* id.

12. **ǰās*- 'расстегивать, развязывать, распускать'

як. *сыһһы* 'плоская поверхность, равнина, поле', ср. кырг. *жазы*, *жазык* 'широкий, просторный', 'равнина, простор', 'распластавшийся' < **ǰās*- 'расстегивать, развязывать, распускать' >

(а) др.-тюрк. *jaz*- 'развязывать', 'распускать (о волосах)', 'распускаться, растекаться', (б) турк. *яз*- 'расстегиваться', 'расстилать, стлать' > турк. *язы* 'степь, простор'

як. *сүөр*- 'развязывать', ср. др.-тюрк. *jör*- 'отвязывать, распутывать'

(?) **ǰās*- 'расстегивать, развязывать, распускать' > чув. ИН

чув. *салт*- (< *чув. *сал-т*-, ср. чув. *салат*- 'распутить (волосы)') 'развязать', 'разуть', 'распутать', ср. др.-тюрк. *seš*- 'распутывать', 'развязывать' ИН чув. *сүт*- 'распутать', 'распускать', ср. каз. *сүт*- 'распороть', 'расплетать' ИН

тув. *час*- 'развязываться, раскрываться; распускаться (о цветах)'

тув. *чеш*- 'развязывать, отвязывать', ср. др.-тюрк. *seš*- 'распутывать', 'развязывать' ИН

кырг. *жаз*- 'стелить, расстилать', 'развязывать', 'развертывать', 'распускать (о волосах, косах)'

кырг. *таркат*- 'распускать, рассеивать' < кырг. *тарка*- 'разойтись, рассеяться' < **тар* 'рассеивание', 'рассеивать' ИН

13. **ǰās*- 'писать'

(?) **ǰās*- id. > як.

як. *суруй*- id. < мо.: ср.-монг. *jiru*- 'рисовать', м.-п. *žiru*- 'чертить', 'проводить линию', 'рисовать', бур. *зура*- 'рисовать, чертить', 'чиркать (спичками)', 'бороздить, разрезать (о молнии)', западный диалект 'писать', кал. *zur*- 'царапать', 'рисовать', 'писать' < тюрк.: чув. *çыр*- 'писать', др.-тюрк.

jaz- 'писать'

чув. *çыр*- id.

(?) **ǰās*- id. > тув. ИН

тув. *бижи*- id. < мо.: м.-п. *biči*- id. < тюрк.: др.-тюрк. *biti*- id.

кырг. *жаз*- id.

14. **ǰās*- 'промахиваться, ошибаться'

як. *сыыс*- 'промахиваться'

(?) **ǰās*- 'промахиваться, ошибаться' > чув. ИН

чув. *ан лектер*- 'промахнуться' < чув. *ан* отрицание при глаголе < вотск. *ан*, зырянск. *эн* 'отрицание при глаголе' + чув. *лек*- 'попасть', ср. тат. *эләк*-, *ләк*- 'зацепиться', 'попадать' ИН

чув. *йәһһиш*- 'ошибаться', 'ошибка' < тюрк.: тат. [Севортян, Левитская 1989: 120, 121], ср. чаг. *йаһһиш* 'ошибка' ИН

тув. *час*- 'промахиваться, ошибиться'

кырг. *жаз*- 'ошибаться, заблуждаться, промахнуться'

15. **ǰāt* 'чужой'

(?) **ǰāt* id. > як.

як. *атын* 'другой, иной', 'чужой', ср. др.-тюрк. *adīn* 'другой, иной'

чув. *ют* 'чужой, посторонний'; **ǰ*- > 0: **ǰā*- > **ǰа*- > **ǰа*- > *ју*- [Щербак 1970: 148, 181] ИН

(?) **ǰāt* 'чужой' > тув. ИН

тув. *өске* 'другой, иной', 'чужой, посторонний', ср. хак. *өске* 'другой, иной' ИН

тув. *хары* 'посторонний, чужой', ср. хак. *хари* 'против, наперекор' ИН

тув. *башка* 'кроме', 'находящийся порознь, изолированный, отдельный', 'другой, иной, непохожий, особенный', 'чужой, независимый' < тув.

**баш* 'свободный', 'отделяться, обособливаться' +
-ка ИН < тув. *баш* 'голова', *'иметь свою
голову' > 'взрослеть' > 'обособливаться' > 'отде-
ляться' ОС
кырг. *жат* 'чужой, посторонний', 'чужак'

16. **ḡāsh* 'молодой', 'год жизни'

як. *саас* 'год жизни'
чув. *сул* 'год'
чув. *йаш* 'молодой' < тюрк.: тат. *йәш* 'молодой' ИН
тув. *чаиш* 'младенец, новорожденный, маленький',
диал. 'год жизни'
кырг. *жаш* 'молодой'

17. **ḡāsh* 'слеза'

(?) **ḡāsh* id. > як.
як. *харах уута* 'слеза', дословно 'вода глаза',
як. *харах* 'глаз' и як. *уу* 'вода', ср. др.-тюрк. *қағақ*
'глаз', *суу* 'вода'
*чув. *суль* 'слеза' ИН в *куссуль* 'слеза' < чув. *кус*
'глаз' (ср. др.-тюрк. *көз* 'глаз') + **суль* 'слеза' ИН
тув. *чаиш* id.
кырг. *жаш* id.

18. **ḡā-* 'есть, кушать'

як. *сиэ-* id.
чув. *си-* id.
тув. *чи-* id.
кырг. *же-* id.

19. **ḡāḡ* 'хороший' [Щербак 1970: 196], **ḡāḡ* (**ḡāḡ*)
'согласие', 'хороший', **ḡāḡ*- (< **ḡāḡ*нк- < **ḡāḡ*нк-) 'побеждать' < **ḡā-* 'есть, кушать' либо **ḡāḡ*- (< **ḡāḡ*нк-) 'побеждать' < **ḡā-* 'есть, кушать' ИН
як. *эх* 'да, ладно, хорошо' < **ḡāḡ* 'хороший';
**ḡ*- > 0, сохранение пратюркского *-ḡ' в як. [Щербак
1970: 174], ср. як. *иэх*- 'гнуть' < **ḡḡ*- (**ḡḡ*-) 'гнуть,
сгибать'
як. *ээн* междометие согласия < *як. *ээн* 'да, ладно,
хорошо'
як. *үтүө* 'хороший', ср. др.-тюрк. *едгү* 'хороший',
'добрый'
як. *үчүгэй* 'хороший' < як. *үтүө* 'хороший' <
**āḡḡ* < **āḡḡ*нк 'хороший' < **āḡ* 'добро', 'вещь' [Щербак
1970: 193]
чув. *си* 'верх', 'поверхность', 'одеяние, одежда' ИН
чув. *лайях* 'хороший', ср. тур. *lâyiḡ* 'достойный,
заслуживающий', кырг. *ылайык* 'соответствующий,
подходящий, приличествующий' < араб. *lâyiḡ*
'достойный, заслуживающий' ИН

чув. *аван* 'хороший', ср. кырг. *аман* 'благополуч-
ный, невредимый', як. *аман* 'сопровожаемый
благословением, желающий счастья и удачу' ИН
чув. *ырă* 'хороший', ср. як. *үтүө, үчүгэй* 'хороший',
др.-тюрк. *едгү* 'хороший, добрый' < **āḡḡ* 'хоро-
ший' < **āḡḡ*нк 'хороший' < **āḡ* 'добро', 'вещь' ИН
(?) **ḡāḡ* 'хороший' > тув. ИН

тув. *эки* 'хороший', ср. тоф. *эккi (эккi)* 'хороший',
хак. *эке* 'дорогой мой', 'милый мой' < **āḡḡ*нк 'хоро-
ший' < **āḡ* 'добро', 'вещь' ИН

тув. *чаагай* 'обильный, богатый; приятный, аро-
матный; вкусный; добрый, благородный, прекрас-
ный, великолепный, хороший; дородный, полный'
ОС, ср. тоф. *чааһай* 'ласковый, добрый' < тоф. **чаа-*
'ласкать' в тоф. *чаа тузт-* 'гладить по голове',
'ласкать' ИН

*кырг. *жейе* 'согласие', ср. тел. *jee* [т'ейе] 'согла-
сие' < **ḡāḡ* 'согласие', 'хороший'
кырг. *жакшы* 'хороший', 'хорошо', ср. тел. *јақшы*
[т'акшы] 'хороший', 'хорошо', *јақынчақ* [т'акынчак]
'хорошенький', 'очень хорошо' < **ḡāḡ*- 'подходить,
нравиться' ИН

20. **ḡāl* 'ветер', 'бежать рысью', 'мчаться'

як. *сиэл-* 'бежать рысью', як. *силлиэ* 'буря'
чув. *сил* 'ветер'
тув. *чел-* 'бежать рысью', тув. *челби-* 'веять'
кырг. *жел* 'ветер', 'бежать трусцой, легкой рысью'

21. **ḡāḡ* 'рукав'

як. *сиэх* id. < **ḡāḡ*нк < **ḡāḡ*нк < **ḡāḡ*нк 'рукав'; в як.
сочетании *-нк смычный носовой сонант был
ассимилирован глухим согласным *-k, ср. як.
иэх- 'гнуть' < **āḡ*нк- (> **āḡ*нк- 'гнуть, сгибать' [Щербак
1970: 193]) < **āḡ*нк- 'гнуть, сгибать'
чув. *санă, çавнĕ* < **çāḡḡ* < **ḡāḡ*нк < **ḡāḡ*нк 'рукав'; паде-
ние пратюркского *-ḡ' [Щербак 1970: 131, 175] ИН
тув. *чең* 'рукав'
кырг. *жең* id.

22. **ḡār* 'испытывать отвращение, презирать'

як. *сир-* 'браковать, отвергать'
як. *сиргэн-* 'испытывать отвращение, прези-
рать' < як. *сир-* 'браковать, отвергать', ср. хак.
чиркэн- 'брезговать, чувствовать отвращение',
'гнушаться', хак. *чирик-* 'не признавать, бросать
своего детеныша'
(?) **ḡār* 'испытывать отвращение, презирать' > чув. ИН
чув. *йёрён-* 'чувствовать отвращение' < тюрк.: тур.
yer-, др.-тюрк. *jer-* 'питать отвращение' ИН

(?) **ǰār*- ‘испытывать отвращение, презирать’ > тув. ИН

тув. *ческин*- ‘испытывать отвращение, брезговать’
ИН тув. *чексин*- ‘испытывать отвращение, брезговать’
ОС, ср. тел. *јексин*- [т’ексин] ‘брезговать’
(< *тел. *јек* + *син*-), ср. кырг. *жек* ‘отвращение’ +
ла- > кырг. *жекте*- ‘ненавидеть’ ИН

кырг. *жери*- ‘чуждаться, отчуждаться, не признавать своим близким, покидать’, ‘не подпускать к себе своего детеныша’ ИН

кырг. *жек көр*- ‘ненавидеть’, ‘питать отвращение’ < кырг. *жек* ‘отвращение’ (ср. алт., тел. *д’ек* ‘дьявол’, ‘шайтан’, др.-тюрк. *јек* ‘демон’ < ин.-ев.: ср.-пр. *jakkā*, санскр. *jaksa* ‘сверхъестественное существо, дух’) + *көр*- ‘видеть’ (< **көр*- ‘видеть’ [Щербак 1970: 195]), ср. як. *абааһы көр*- ‘ненавидеть’ < як. *абааһы* ‘дьявол, сатана’ (ср. др.-тюрк. *al*, *āl* ‘обман, уловка, ухищрение, хитрость’, як. *алын* ‘обман, хитрость, лукавство’, *албас* ‘хитрость, коварство, обман’, кырг. *албарсты* ‘демоническое существо в образе женщины (якобы вредящее роженице и сжимающее горло спящего)’; в як. *абааһы* ‘дьявол, сатана’ произошло падение согласного *л*, как в падении согласного *д*, в стечении согласных, например, як. слове *силис* ‘корень’, ср. др.-тюрк. *jildiz* id., где выпал последующий согласный *д*, а непредшествующий *л*; возможно в др.-тюрк. *abači* ‘бука, пугало’ произошло влияние якутской группы языков) + *көр*- ‘видеть’ ИН

23. **ǰās* ‘латунь’

(?) **ǰās* id. > як.

як. *дьэс* ‘красная медь’ < тюрк.: др.-уйг. *јез* ‘желтая медь’

*чув. *čār*, *žār* ‘латунь, красная медь, желтая медь’ (*чув. *žār* (> мокша – мордовское *s’erä*) > тат. *жәйшәл жар* ‘медный купорос’ [Севортян, Левитская 1989: 169; Щербак 1994: 136]) > як. *дьаар*, *чаар* ‘острый неприятный запах, смрад, приторный вкус’, ‘приторность, привкус меди’ ИН

чув. *йёс* ‘латунь, красная медь, желтая медь’ < тюрк.: тат. *йес* ‘латунь’ [Севортян, Левитская 1989: 169], ср. тув. *чес* ‘красная медь’, др.-тюрк. *јез* ‘желтая медь’ ИН

тув. *чес* ‘красная медь’

кырг. *жез* ‘медь, латунь, жель’

24. **ǰāt*- ‘вести на поводу’, ‘вести за руку’ [Щербак 1970: 197], **ǰārt*- ‘вести на поводу’, ‘вести за руку’ ИН

як. *сиэт*- ‘вести за руку’

чув. *шат*-, *шавт*-, *шаврт*- ‘вести’ ИН

тув. *чет*- ‘вести за руку’

кырг. *жетеле*- ‘вести на поводу’ ИН

25. **ǰāl*- ‘двигаться’, ‘ползти’

як. *сыл*- ‘еле двигаться’, ‘ползти’

(?) **ǰāl*- ‘двигаться’, ‘ползти’ > чув. ИН

чув. *шу*-, *шав*- ‘двигаться, скользить, ползти’ < тат. *шуу*- ‘скользить’ ИН

тув. *чыл*- ‘сдвигаться с места, передвигаться; ползти; катиться, скользить’

кырг. *жыл*- ‘двигаться, передвигаться тихо, медленно; ползти’

26. **ǰī* ‘шов’

як. *сиик* id.

чув. *сёвё* id.

(?) **ǰī* id. > тув. ИН

тув. *тиг* id. ОС < *тік- ‘втыкать’, ‘колоть’, ‘шить’ [Щербак 1970: 197] ИН

кырг. *жик* ‘шов, щель, трещина’ ИН

27. **ǰīn* ‘тело (?)’, ‘то, что содержится в теле’, ‘содержимое желудка и кишок’ [Щербак 1970: 197], **ǰīn*, **ǰīñ* ‘тело’, ‘то, что содержится в теле’, ‘содержимое желудка и кишок’ < **ǰā*- ‘есть, кушать’ ИН

як. *сиин* в *эт сиин* ‘тело’, як. *хаан сиин* ‘кровь, румянец’, ‘кровообращение’, ср. як. *эт* ‘тело, плоть’, ‘мясо’, як. *хаан* ‘кровь’, др.-тюрк. *et jin* ‘плоть, тело’, др.-тюрк. *et* ‘мясо’, ‘плоть, тело’, др.-тюрк. *jin* ‘тело’, ‘часть тела’, ‘покров тела, волосы, щетина’, др.-тюрк. *in*, *jin* ‘помет животных’, др.-тюрк. *jiñ* ‘сопли’, сюг. *йиң* ‘овечий помет’, ‘содержимое кишок’, ‘особая шаманская церемония, называемая еще *шушу*’, др.-тюрк. *qan* ‘кровь’ (< **kān* ‘кровь’ [Щербак 1970: 194]), кырг. *кан жин* ‘нечистоты (букв. кровь и содержимое желудка)’

(?) **ǰīn* ‘тело’, ‘то, что содержится в теле’, ‘содержимое желудка и кишок’ > чув. ИН

чув. *јит* ‘тело’ < **āt* ‘мясо, плоть’ [Щербак 1970: 194] ИН

тув. *чин* ‘фекальные массы’ ИН

кырг. *жин* ‘содержимое желудка’ ИН

28. **ǰōk* ‘отсутствие чего-либо’, ‘нет’

як. *суох* id.

чув. *сук* id.

тув. *чок* id.

кырг. *жок* id.

29. **ǰǫl* ‘дорога’
як. *суол* id.
чув. *сул* id.
тув. *чол* id.
кырг. *жол* id.
30. **ǰǫn*- ‘строгать, тесать’ [Щербак 1970: 197],
**ǰǫ*- ‘строгать, тесать’ ИН
як. *суор*- id.
чув. *сун*- id. ИН
тув. *чон*- id.
кырг. *жон*- ‘обтесывать, обстругивать’
31. **ǰū*- ‘мыть’
як. *сууй*- id.
чув. *су*- id.
тув. *чуг*- id.
кырг. *жуу*- id. РК, ср. тел. *јун*- [т’ун] ‘мыть’ < *тел.
јуу- [т’ў] ‘мыть’ ИН
32. **ǰūrt* ‘дом’, ‘владение’, ‘стойбище’
як. *суурт* ‘стойбище’, ‘жилище’
чув. *сурт* ‘дом’
тув. *чурт* ‘страна, край, стойбище, стоянка, жилье, местность’
кырг. *журт* ‘народ, подданные’, ‘родня, близкие’, ‘место, где стояла юрта или стоял аул’, ‘страна, родина’
33. **ǰūt*- ‘глотать’
(?) **ǰūt*- id. > як.
як. *ыыр*-, *ыјыһын*- ‘глотать’, ср. др.-тюрк. *siŋŷr*- ‘поглощать, проглатывать’, ‘вводить, вливать (пищу, лекарство)’, тув. *сүр*- ‘глотать’
чув. *сәт*- id.
(?) **ǰūt*- id. > тув. ИН
тув. *сыыр*- id., ср. др.-тюрк. *saŷur*- ‘глотать’, ‘впитывать’, *siŋŷr*- ‘поглощать, проглатывать’, ‘вводить, вливать (пищу, лекарство)’ < *siŋ*-, *siŋ*- ‘уходить в землю, впитываться (о воде)’ < **сiŋ*- ‘впитываться’ [Щербак 1970: 196] ИН
кырг. *жут*- ‘глотать’
34. **ǰūs* ‘лицо’
(?) **ǰūs* id. > як.
як. *сүүс* ‘лоб’ < **ǰūs* ‘лицо’
як. *сирэй* id. < мо.: м.-п. *čiräi* id. < ср.-тюрк. *čiray* id. < перс. [Щербак 2005: 45]
(?) **ǰūs* id. > чув. ИН
чув. *пит* id., ср. др.-тюрк. *bit* ‘лицо, физиономия’ ИН
(?) **ǰūs* ‘лицо’ > тув. ИН
- тув. *арын* ОС, *алын* id. < **āl* ‘перед’, ‘низ’ [Щербак 1970: 193] ‘лицо’, ‘лоб’ ИН, ОС
тув. *чүзүн* ‘масть, цвет’ < мо.: м.-п. *jisün* ‘цвет’, ‘внешний вид’, ‘масть животных’ < тюрк.: др.-тюрк. *jüz* ‘лицо’ [Щербак 2005: 68]
кырг. *жүз* id.
35. **ǰūs* ‘сто’
як. *сүүс* id.
чув. *сёр* id.
тув. *чүс* id.
кырг. *жүз* id.
36. **ǰūs*- ‘плавать’ [Щербак 1970: 197], **ǰūs*- ‘плавать’ ИН
як. *уһун*-, *устар*- id., ср. м.-п. *usučila*- id. (< мо.: **usuči*-, **usu*- id. < тюрк.: *як. *усу*- id., ср. як. *устар*- id.), мо. *усчла*- id.; монг. **usu*- id. > ма. *усу*- ‘плыть по течению вниз (о судне)’; **ǰ*- > 0
як. *харбаа*- ‘грести, сгребать’, ‘плавать с помощью оконечностей (о человеке и животных)’ < монг.: м.-п. *харта*- ‘сгребать, подбирать, собирать’, м.-п. *хару*- ‘царапать’, ‘строгать’ (> як. *хоруй*-, *харый*- ‘скоблить, выскребывать’, ‘пахать’) < тюрк.: др.-тюрк. *qaz*- ‘рыть, копать, выкапывать’, аз. *газы*- ‘рыть’, ‘скоблить’, ‘высекать, вырезать, выгравировать’, тур. *kazı*- ‘скоблить, скрести’, ‘чесать’, ‘царапать, сдирать’, чув. *хыр*- ‘скоблить, сгребать, скрести’ (> др.-уйг. *qır*- ‘соскребать, соскабливать, царапать’) < **kās*- ‘копать’, ‘скоблить, сгребать, скрести’
(?) **ǰūs*- ‘плавать’ > чув. ИН
чув. *иш*- id. < тюрк.: тув. *эш*- ‘грести веслами’, ‘сгребать (например, лопатой снег)’ < **āsh*- ‘грести’ [Щербак 1970: 194] > чув. *ал*- ‘пахать’, чув. *алт*- ‘рыть, копать’, ‘долбить’ ИН
тув. *сүс*- ‘ходить по воде’, ср. тоф. *сүс*- ‘ходить по воде’ ИН
тув. *эш*- ‘плавать’ ОС < **āsh*- ‘грести’ [Щербак 1970: 194] ИН
кырг. *жүз*- ИН, *сүз*- ‘плавать’ РК
- Дополнительный список включает слова, не восходящие к архетипам, содержащим начальный межзубный щелевой согласный и первичную долготу гласного:
- **ǰут* ‘падеж скота от бескормицы’, ‘мор’ [Щербак 1970: 197], **ǰут* ‘падеж скота от бескормицы’, ‘мор’ ИН
як. *сут* ‘голод, бескормица’, ‘скотский падеж’ ИН

чув. *сут* 'жадный' ИН
 тув. *чут* 'бескормица', 'джут' ИН
 кырг. *жут* 'джут (массовый падеж скота от бескор-
 мицы)' ИН
 ср. осет. *žoda* 'покрытая ледяной коркой поверх-
 ность земли, гололедица' [Севортян, Левитская
 1989: 257]
 **кӱл* 'озеро'
 як. *күөл* 'озеро' ИН
 чув. *кӱлӗ* 'озеро' ИН
 тув. *хөл* 'озеро' ИН
 кырг. *көл* 'озеро' ИН
 ср. осет. *кӱл* / *кӱлӕ* 'глубокая лужа', 'глубокое место
 в реке', 'глубокая вода' [Левитская и др. 1997: 96].

**ӕс* 'сам', 'существо', 'сущность', 'жизнь' [Щербак
 1970: 195] + 'центр, средоточие, середина' 'сере-
 дина реки', 'река' ИН
 як. *үс* 'центр, средоточие, середина', 'середина
 реки' ИН
 чув. *вар* 'середина, сердцевина', 'нутро', 'желудок,
 живот', 'лучшая часть волокна', 'овраг', 'лог', 'дол',
 'глубокое сухое русло ручья' ИН
 тув. *өзек* 'сердцевина', 'центр, ядро' ИН, 'аорта' ОС
 тув. *өзен* 'ложбина, лог', 'побережье речки', 'горная
 долина с речкой' ИН
 кырг. *өзөк* 'сердцевина', 'стержень', 'нутро' ИН
 кырг. *өзөн* 'русло, ложе речки', 'побережье речки',
 'горная долина с речкой' ИН, РК

**ат* 'лошадь' [Щербак 1970: 193], **ат̄* 'лошадь' ИН
 як. *ат* 'лошадь' ИН
 чув. *ут* 'лошадь' ИН
 чув. *лаша* 'лошадь', ср. турк. *алаша* 'лошадь
 (полученная скрещиванием племенного ахалте-
 кинского жеребца с простой кобылой)'
 кырг. *алача* 'пегая, пятнистая, пестрая (масть
 лошади)' ИН, 'вид чистокровного скакуна' РК <
 **ала* 'лошадь пегой, пятнистой, пёстрой масти' ИН
 тув. *аът* 'лошадь', 'мерин' ИН
 кырг. *ат* 'лошадь, конь' ИН

**пӑ* 'кобыла'
 як. *биэ* 'кобыла' ИН
 чув. *кӕсре* 'кобыла', ср. як. кытарах 'яловица,
 яловая', 'не стельная, не жеребая' ИН
 тув. *бе* 'кобыла' ИН
 кырг. *бээ* 'кобылица (жеребившаяся)' ИН

**тај* 'жеребенок по второму году' [Щербак 1970: 197],
 **тај̄* 'жеребенок' ИН
 як. *тый* 'жеребенок по второму году' ИН
 чув. *тиха*, *тӑйха* 'жеребенок' (< **тай-ха*), ср. монг.
тахь 'дикая лошадь' ИН
 тув. *дай* фольк. 'конек', 'жеребенок от двух до трех
 лет' ИН
 кырг. *тай* 'крупное животное в возрасте до одного
 года' ИН
 кырг. *тай* южн. *келте тай* 'жеребенок-сосунок' ИН

кој* (кој̄*) 'овца' [Щербак 1970: 194, 83], **кон* 'овца'
 ИН
 як. **хой* 'овца' в *хой баһа* 'очень далеко, на большом
 расстоянии', 'небывальщина, чушь', неологизм *хой*
 'баран', *бараан* 'овца' ИН
 чув. *куй* в *куй сурӑх* 'порода длинношерстных
 овец', 'ордынская овца' ИН
 тув. *хой* 'овца' ИН
 кырг. *кой* 'овца' ИН

**кӱч* 'баран'
 **кӱч* 'баран' > як. ? ИН
 як. *бараан* 'баран', 'овца' < рус. ИН
 як. неологизм *хой* 'баран' ИН
 чув. *така* 'баран', ср. кырг. *теке* 'козел' ИН
 тув. *кошкар* 'баран-производитель' ИН
 кырг. *кочкор* 'баран-производитель' ИН

**кӱр* 'степь', 'горное плато' [Щербак 1970: 194], **кӱр̄*
 'степь', 'горное плато' ИН
 як. *кыры* (< **кӱрӱ* 'грань', 'горный хребет' < **кӱр*
 'степь', 'горное плато') 'острая сторона пред-
 мета', 'грань', ср. возникновение дополнитель-
 ного гласного в чув. *тудӑ* 'вкус' < **тӑтӱ* [Щербак
 1970: 131] < **тӑт* 'вкус' ИН
 чув. *хир* 'поле', 'степь' ИН
 тув. *кыр* 'грань', 'небольшой горный хребет',
 'отрог' ИН
 кырг. *кыр* 'горный хребет', 'гребень горы', 'грань' ИН

Обсуждение

Говоря об особенностях мира прототюрков, нужно
 обратиться к словам, относящимся к конкретным
 условиям существования популяции и ее культуре
 (пункты 1, 2, 3, 6, 9, 11, 13, 23, 26, 29, 30, 35), оставив
 в стороне слова, не связанные с ними (пункты 4, 5,
 7, 8, 10, 12, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 22, 24, 25, 27,
 28, 31, 33, 34, 36).

На основе слов, относящихся к конкретным условиям существования популяции и ее культуре, можно считать, что прототюрки проживали в местности, где происходила смена времен года, ср. 11. **ḡās* ‘весна’ < **ḡās* ‘весна’ и 3. **ḡāj* ‘лето’ < **ḡāj* ‘лето’. Обращает внимание развитие семантики ‘лето’ из семантики ‘весна’ в тур. *yaz* ‘лето’, уйг. *jaz* id., что свидетельствует о более южной географической локализации предков огузов и уйгуро-карлуков, чем предков якутов, чувашей, тувинцев и кыргызов. Это значит, что когда у предков якутов, чувашей, тувинцев и кыргызов наступала ‘весна’, то в это время у предков огузов и уйгуро-карлуков уже было ‘лето’. Это свидетельствует о том, что, например, огузы расселялись южнее, чем, например, якуты, т. е. в регионе, где отсутствовало или сведено к минимуму явление **ḡut* (< **ḡut*) ‘падеж скота от бескормицы’, ‘мор’ < **ḡut* ‘падеж скота от бескормицы’, ‘мор’, ср. ин.-ев.: осет. *ḡoda* ‘покрытая ледяной коркой поверхность земли, гололедица’. Известно, что в огузских языках отсутствует слово для обозначения этого явления, в то время как в якутском, тувинском и кыргызском оно представлено в виде рефлексов пратюркского **ḡut* ‘падеж скота от бескормицы’, ‘мор’ [Севортян, Левитская 1989: 256, 257; Щербак 1970: 197]. Прототюрки локализовались в местах, где имелись овраги и крутые берега, ср. 9. **ḡār* ‘овраг, крутой берег’ < **ḡār* ‘овраг, крутой берег’. Известно, что в совокупности овраги и крутые берега (и соответственно пресноводные объекты: **kōl* ‘озеро’ < **kōl* ‘озеро’ (ср. осет. *kūl* / *kōlæ* ‘глубокая лужа’, ‘глубокое место в реке’, ‘глубокая вода’), **ōc* ‘сам’, ‘центр, средоточие, середина’, ‘середина реки’, ‘река’ < **ōc* ‘река’, ‘горная долина с речкой’ необходимы для занятий скотоводством: **at* ‘лошадь’ < **at* ‘лошадь’, **nā* ‘кобыла’ < **nā* ‘кобыла’, **taġ* ‘жеребенок по второму году’ < **taġ* ‘жеребенок’, **kōč* ‘баран’ < **kōč* ‘баран’, **kōn* ‘овца’ < **kōn* ‘овца’, которое осуществлялось в степи, граничащей с горной местностью, ср. **kīp* ‘степь’, ‘горное плато’ < **kīp* ‘степь’, ‘горное плато’, ‘горный хребет’).

О разносторонней деятельности прототюрков свидетельствуют слова: 1. **ḡā* ‘лук (оружие)’ < **ḡā* ‘лук (оружие)’, 2. **ḡā-* ‘сбивать масло’ < **ḡā-* ‘сбивать масло’, 6. **ḡāl* ‘грива’ < **ḡāl* ‘грива’, 26. **ḡī* ‘шов’ < **ḡī* ‘шов’, 30. **ḡō-* ‘строгать, тесать’ < **ḡō-* ‘строгать, тесать’.

О том, что прототюрки находились в процессе постоянных перекочевок, свидетельствует понятие дороги, ср. 29. **ḡōl* ‘дорога’ < **ḡōl* ‘дорога’.

Прототюрки имели представление о письме (13. **ḡās-* ‘писать’ < **ḡās-* ‘писать’) и счете (35. **ḡūs* ‘сто’ < **ḡūs* ‘сто’).

Связи прототюрков обнаруживаются не только с древними восточноиранскими племенами (скифами), например, в обозначении явления замораживания пастбищ льдом, но и с предками древних тохаров, например в наименовании латуни, ср. 23. **ḡās* ‘латунь’ < **ḡās* ‘латунь’, ср. ин.-ев.: тох. *A wās*, тох. *B yasa* [Щербак 2005: 70].

Рассмотрим основные вопросы пратюркских и прототюркских реконструкций на сравнительно-историческом фоне.

Возникают сомнения по идее алтайского (транс-евразийского) родства популяций и их языков. М. Роббитс датирует трансевразийскую общность эпохой неолита, что выходит за приемлемые хронологические рамки сравнительно-исторического языкознания. И не только из-за этого обстоятельства. Идеям родства противоречат факты. Например, количественная оппозиция гласных тюркского праязыка никак не сопоставима с состоянием фонологических систем современных монгольских языков [Щербак 1997: 230] и тунгусо-маньчжурских языков [Новгородов 2003], что подрывает родственные связи тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков.

Следует также иметь в виду, что у тюркских народов – носителей монголоидной расы в виде центрально-азиатского антропологического типа – обнаруживается европеоидная генетическая примесь. Указанной примеси не было у коренных монголов, тунгусо-маньчжуров, корейцев и японцев. Это обстоятельство свидетельствует об отсутствии генетического родства между тюрками, монголами, тунгусо-маньчжурами, корейцами и японцами и выявляет их конвергентные связи [Новгородов 2024: 171].

Поэтому правомерно несогласие с утверждением родства алтайских (трансевразийских) языков. Но вместе с тем наблюдается дивергенция прототюркского, пратюркского, о чем убедительно свидетельствует реконструируемый материал односложных основ.

Что касается возникновения первичного языкового разнообразия в результате конвергенции (смешения, схождения) прототюрков, древних восточноиранских, восточно-индоевропейских народов, то, действительно, материал эксплицитно выявляет конвергенцию европеоидов и монголоидов

начиная с достаточно отдаленного от современности времени в виде индоевропейских заимствований в прототюркском.

Говоря о древнейшей конвергенции тюрков с европеоидами (индоевропейцами), отметим, что известны данные различных наук:

- антропологии: разнообразие тюркских антропологических типов от туркменского европеоидного и переходного казахского до якутского центрально-азиатского типа (центральноазиатской расы), последний характерен кроме якутов для тувинцев, южных алтайцев, бурят, калмыков, монголов [Алексеева и др. 2004: 422], хунну и плиточников [Цыбиктаров 2017: 69; 2018: 50, 56]; формирование антропологического типа тюрков в среде смешанных европеоидно-монголоидных форм в Центральной Азии [Алексеев, Гохман 1984: 94], поэтому при своем расселении на запад они несли как монголоидные признаки, так и брахикранный европеоидный комплекс; в частности возникновение центрально-азиатского типа на основе метисации монголоидов древней байкальской расы (населения культуры плиточных могил) с европеоидами [Цыбиктаров 2018: 50, 56; Цыбиктаров, Диймажавын 2022];
- археологии: длительная конвергенция европеоидов и монголоидов с центрально-азиатским антропологическим типом в рамках культуры плиточных могил (возникшей на основе монголоидной селенгинско-даурской археологической культуры (время энеолита и ранней бронзы: конец III – середина II тыс. до н.э.), соотносящейся с южным Забайкальем и Монголией [Цыбиктаров 2012: 83, 85, 87; 2017: 61, 63, 69, 70]) и керексуров с оленными камнями [Цыбиктаров 2018: 43, 46–51, 56];
- генетики: европеоидная генетическая примесь у якутов, тувинцев, алтайцев и бурят [Pugach et al. 2016: 1780, 1784, 1786, 1788];
- этнологии: кочевое скотоводство Центральной Азии [Егоров 2017: 253–308; Рассадин 2011: 54–64; Цыбиктаров 2017]; отражение скифского тотема *сака* 'олень' в названиях родоплеменных групп тувинцев, хакасов, казахов, кыргызов, ср. тув. *саая*, хак. *сагай*, каз. *сакай*, кырг. *саяк*, алт.-урянх. *саяван*, як. *саха* и др. [Монгуш 2021]; в алтае-урянхайской группе произошел языковой и культурный сдвиг с тюркского (тувинского) на монгольский

[Донгак, Бадарч 2025]; як. *саха* не имеет связей со скифским тотемом *сака* и восходит к пратюркскому **9akka* 'край, окраина' [Новгородов 2009];

- декоративно-прикладного искусства: нагрудные украшения скифов и якутов [Новгородов 2024: 171–176; Чугунов 2011; 2014; 2024], петроглифы Забайкалья и Северной Монголии, содержащие, например, изображение праздника, близкого по содержанию к як. *ыһыах* 'традиционному якутскому национальному празднику' [Окладников, Запорожская 1970: 167–169];
- фольклора: отражение архаического этапа жизни тюрков в якутском эпосе, где изображены европеоидные персонажи и индоевропейский бестиарий [Новгородов, Захарова 2021];
- лингвистики: древние и древнейшие индоевропейские заимствования в як., чув., др.-тюрк. и др. языках [Новгородов 2024: 170; Щербак 1994: 121].

Приведенный материал свидетельствует о том, что конвергенция европеоидов и монголоидов или ее следы являются важным положительным диагностическим признаком идентичности тюркских народов.

В материале конвергенции европеоидов и монголоидов речь идет о хунну и плиточниках.

В якутологии тема происхождения якутов от культуры плиточных могил обсуждается Н. К. Антоновым [Антонов 1971: 146–161]. И. В. Константинов считает, что якуты, уйгуры, буряты и др. возникли от плиточников через промежуточные ступени курыкан и хунну [Константинов 1975: 135, 136]. Согласно мнению И. В. Константинова, якуты и булагатская группа западных бурят некогда составляли единое племя, и впоследствии указанная группа бурят перешла с тюркского языка на монгольский [Там же: 134, 135, 139]. А. П. Окладников и В. Д. Запорожская считают, что наследниками культуры плиточных могил являются предки якутов и бурят [Окладников, Запорожская 1970: 168]. В чувашеведении существуют идеи: о прототюркском происхождении культуры плиточных могил [Иванов 2009: 33], о древних связях археологических восточных индоевропейцев и плиточников, приведших к формированию разных видов прототюрков [Егоров 2017: 304].

Вопросы идентичности хунну и плиточников с современными обществами остаются дискуссионными. Одни утверждают, что хунну относятся к монголоязычному миру, другие – к тюркскому,

третьи не согласны ни с тем, ни с другим и выдвигают принадлежность к енисейскому [Бенцинг 1986; Дёрфер 1986; Пуллиблэнк 1986; Цыбиктаров 2017: 66]. В сущности, в мире хунну было представлено разнообразие языков и народов. По вопросу плиточников существуют взгляды об их монгольской и тюркской идентичности [Цыбиктаров 2017: 69]. Была высказана идея преемственности предков бурят XVI – начала XVII в. со средневековыми и древними общностями, оставившими археологические культуры бронзового, раннего железного веков и средневекового времени Байкальского региона на основе данных развития хозяйственного типа [Там же]. Иными словами, речь идет о преемственности культуры бурят с культурами хунну и плиточников.

В изучении вопроса идентичности древних и современных обществ можно принять во внимание замечания, высказанные А. М. Щербаким для создания классификации тюркских языков, в частности во взаимоотношении древних и современных языков [Щербак 1994: 21–24]. Эти идеи применимы к текущему обсуждению, т. к. имеется связь языка и общества.

Необходимо учитывать временную емкость исследования: древние и современные общества объединить не удастся, т. к. древние общества могут быть пережитым состоянием современных. Материалы древних и современных обществ неравноценны. Факты древних и современных обществ находят неодинаковое объяснение. Тем не менее в отношении вопроса идентичности древних и современных обществ могут быть высказаны различные гипотезы и взгляды.

Возвращаясь к теме древней конвергенции европеоидов и монголоидов, можно предположить, что в прототюркское время она была в виде языковой конвергенции, и произошел, например, переход первых на язык вторых. Но в этом случае едва ли может идти речь о возникновении двух групп в тюркском протоязыке: *z* (огузский тип – *Şaz*-язык) и *r* (огузский, болгаро(?)-чувашский тип – *Lir*-язык).

В плане языка, с точки зрения реконструированного материала односложных слов существенным является отсутствие долготы гласного в прототюркском языке и следовательно отсутствие условий для появления чувашского ротацизма (**s > *z > r*) и ламбдаизма (**š > *ž > l*).

Чувашский ротацизм и ламбдаизм возникли после возникновения первичной долготы гласного вследствие процессов дополнительной

дистрибуции согласных *s* и *š*, а именно озвончения **s (> *z > r)* (ротацизм) и **š (> *ž > l)* (ламбдаизм) на базе корреляции несонантности / сонантности в пратюркском языке и его последующего распада, ср. [Щербак 1970: 97, 106].

Пратюркские **s* и *š* после краткого гласного не подвергаются ротацизму и ламбдаизму и сохраняют свое качество глухости в односложных словах [Там же: 85, 86, 106, 173]. Ротацизм и ламбдаизм также возникают в середине и конце многосложного слова [Там же: 85, 86, 87].

Поэтому распад прототюркского языка на две группы: *z* (огузский тип – *Şaz*-язык) и *r* (огузский, болгаро(?)-чувашский тип – *Lir*-язык) – вследствие влияния восточного индоевропейского языкового субстрата не оказывается возможным, т. к. в прототюркском в ауслауте отсутствовал звонкий согласный *z*, на его месте был глухой *s*.

Тюркский ротацизм отмечен в византийских записях V в. н. э. [Clauson 1962: 38]. Проникновение тюркизмов (чувашизмов) в монгольские языки и монголизмов в тюркские языки (ср. др.-тюрк. *jasa*- ‘строить, делать, устраивать’ (надпись в честь Kül Tegin’a); ср. ст.-узб. *jasa*- ‘строить, делать, устраивать’ < мо.: ср.-монг. *jasa*- id. [Щербак 1997: 204]) происходит в древнетюркское время. То есть выход монголоязычного мира в степи Монголии и занятие скотоводством, в основном заимствованным у тюрков [Рассадин 2011: 54–64], в большей мере не связаны с эпохой плиточников. Древнейшим местопребыванием предков монголоязычных были восточносибирские и маньчжурские леса в бронзовом веке [Clauson 1962: 10, 245, 246].

В более позднее время, связанное с хунну, нужно отметить следующие обстоятельства. С конца III в. до н. э. до II в. н. э. в Монголии и Юго-Западном Забайкалье фиксируется культура хунну [Цыбиктаров 2017: 63]. У хунну наблюдается центрально-азиатский антропологический тип [Там же: 69], характерный для якутов, тувинцев, бурят, алтайцев, калмыков, монголов. В элите хунну из долины реки Эгийн-Гол (река на севере Монголии, левый приток Селенги) выявлен гаплотип N1c1 [Lee, Kuang 2017: 222], обнаруживаемый у якутов, бурят, тувинцев и др. В указанных популяциях прослеживается одинаковый хозяйственный тип в виде коневодства и скотоводства. Известен шаньюй сюнну (хунну) Маодунь, бывший заложником у юэцжи [Сыма Цянь 2002: 327] – восточноиранский народ Центральной Азии. Данный факт является важным

свидетельством конвергенции монголоидов – хунну и европеоидов – юэчжи.

Серьезным аргументом тюркоязычия хуннов является замечание из «Вэй шу» о схожести языка племен Гаоцзюй (телэ) с хуннским; кроме того, предки клана Юйвэнь, известного среди сяньби III–VI вв., происходили из сюнну, были родственниками южно-хуннских шаньюев, а язык их сильно отличался от сяньбийского, т.е. хунны и сяньби говорили на очень разных языках [Илюшин 2025: 42]. Например, известны слова хунну, коррелирующие с тюркскими [Бенцинг 1986: 12]. Эти слова являются прямыми или косвенными свидетельствами наличия тюркской идентичности в вокабуляре языка хунну.

На основе хронологии событий характер связей хунну с другими народами в одних областях был более интенсивным, в других – менее. Так, хунну вступали в связи с древними китайцами, восточными иранцами, монголоязычными. Например, во взаимоотношениях с Китаем происходило перемещение ставки шаньюя [Сыма Цянь 2002: 327, 329, 346, 353]. Это значит, что в одних местах происходила прямая языковая конвергенция хунну и древних китайцев, в других регионах этого не происходило. Поэтому ожидается, что в одних идиомах языка хунну будут иметься китаизмы, а в других нет. Кроме того, языковая конвергенция хунну и древних китайцев в основном происходила в их элитах и не затрагивала широкие слои населения. Не прослеживаются явные китаизмы, связанные с традиционным хозяйственным типом хунну.

97 г. до н.э. является последней датой в повествовании Сыма Цяня о сюнну [Там же: 353], но сведения о сюнну (хунну) в более позднее время отражаются в китайских источниках, ср. «Вэй шу». В 49 г. до н.э. впервые в китайских летописях появляется тюркский этноним *гяньгунь* (*кыргыз*, *qırqız*) [Яхонтов 1986]. То есть сведения о тюрках и хунну в китайских источниках хронологически соотносятся, и после 49 г. до н.э. начинается широкая конвергенция древних тюрков с китайским миром.

В тюркологии установлено, что пратюркский язык функционировал на прародине – степном регионе Центральной Азии, в бассейне р. Енисей (cf. *the Yenisey river basin*) в не столь великом промежутке времени, отделяющем нас, т.е. до I в. до н.э. [Щербак 1961: 160, 161; 1970: 20, 88, 193], что вполне обосновано [Новгородов 2021: 171–173]. В бассейн реки Енисей входят реки Монголии, например

река Орхон, где были обнаружены одни из древнейших артефактов рунической письменности в честь древнетюркских государственных деятелей Восточного каганата Tonjuqu'a (712–716 гг.), Kül Tegin'a (732 г.), Bilgä Qayan'a (735 г.).

Пратюрки занимались коневодством, скотоводством, овцеводством и козоводством в условиях языковых контактов с индоевропейцами и конвергенции с европеоидами (ср. индоевропейские заимствования, европеоидный антропологический тип туркмен и других огузов и переходный тип у казахов и др.) в степи и горной местности, изобилующими различными пресноводными объектами; падежа домашних животных от бескормицы и мора.

С точки зрения связи языка и общества данные носителей пратюркских классификационных групп, а именно якутской (як.), урянхайской (тув. и др.), кыпчакской (алт. и др.) с древнейшими индоевропейскими заимствованиями, т.е. якутов, тувинцев, алтайцев, прямо коррелируют с европеоидной генетической примесью и центрально-азиатским антропологическим типом, возникшим на основе метисации с европеоидами. Указанная примесь и антропологический тип прослеживаются у бурят. Было установлено прямое генетическое родство якутов и бурят и языковой сдвиг последних с тюркского (якутского) на монгольский [Новгородов 2025; Pugach et al. 2016: 1783, 1788]. Эти обстоятельства свидетельствуют о том, что буряты ранее представляли вместе с якутами, тувинцами и алтайцами одно пратюркское целое, и о древнейшей конвергенции европеоидов и монголоидов в истории пратюрков, которая привела к возникновению разнообразия пратюркского языкового континуума.

А. Д. Цыбиктаров произвел ретроспективное исследование истории сложения коневодства, овцеводства, козоводства, скотоводства, верблюдоводства бурят. Ученый пришел к выводу о корреляции современного хозяйственного типа бурят с древними хозяйственными типами хунну и культуры плиточных могил южного Забайкалья и Монголии [Цыбиктаров 2017: 61, 69, 70]. Иными словами, буряты лингвистически (с учетом языкового и культурного сдвига), антропологически, генетически и по хозяйственному типу коррелируют с пратюрками и хунну.

Приведенные сведения подводят к выводу, что якутские (бурятские с учетом языкового и культурного сдвига), урянхайские (тувинские), кыпчакские

(алтайские) данные хозяйственного типа вместе с лингвистическими, антропологическими, генетическими показателями идентичности последовательно, в пространстве и времени, через мир пратюрков обнаруживают корреляцию с культурой хунну. Учет этих данных дает основание считать, что миры пратюрков и хунну коррелируют друг с другом, т.к. проявляют сходство в конструктивных признаках идентичности при разнообразии популяций и языков. Изучение современных тюрков, пратюрков, хунну показывает, что в них проявляются результаты совершившейся конвергенции. Поиск источника самой конвергенции приводит к археологическим культурам, в которых прошли процессы метисации, а также к миру монголоязычных и тюркоязычных популяций, обладающих центрально-азиатским антропологическим типом.

В исследовании антропологии тюрков необходимо учитывать, что формирование их антропологического типа происходило в среде смешанных европеоидно-монголоидных форм в Центральной Азии, поэтому при своем расселении на запад они несли как монголоидные признаки, так и брахикранный европеоидный комплекс [Алексеев, Гохман 1984: 94]. Это значит, что распространение тюркского антропологического типа происходило с востока на запад, а не наоборот.

Могут быть предложены, например, чемурчекская культура (Монгольский Алтай и Джунгария, 2600–1700 г. до н.э.); окуневская культура (Минусинская котловина, горы Хакасии и Красноярского края, XXVI–XVIII вв. до н.э.); карасукская культура (конец 2 – начало 1 тыс. до н.э., Южная Сибирь и Казахстан), в которых также наблюдаются факты конвергенции европеоидов и монголоидов, приведшие к метисации указанных расовых групп [Козинцев 2023; Поляков 2020; Солодовников и др. 2019; Kozintsev 2024]. В этих случаях конвергенция не привела к образованию центрально-азиатского антропологического типа, являющегося конструктивным признаком современных и древних тюркских народов и одним из источников тюркского разнообразия.

Экспансия на восток других европеоидных культур, например афанасьевской [Солодовников 2003], ирменской [Zubova 2013], андроновской [Солодовников 2006], не привела к метисации носителей указанных культур с коренными монголоидами и к образованию центрально-азиатского антропологического типа.

Поиск источника конвергенции приводит к фактам взаимодействия культуры плиточных могил и культуры керексуров и оленных камней в Забайкалье и Монголии.

А. Д. Цыбиктаров отмечает, что вследствие аридизации климата в конце II тыс. до н.э. произошли крупномасштабные миграции скотоводческого населения по всему региону северной части Центральной Азии. Происходили масштабные миграции населения крупных степных культур керексуров с оленными камнями и плиточных могил, которые носили встречный характер. Образовалась огромная контактная зона этих культур в пределах Центральной Монголии и Южной Бурятии. Она протянулась почти на 1300 км с запада на восток и около 600 км с севера на юг. К концу эпохи поздней бронзы и в начальный период раннего железного века, т.е. в промежутке с XIII–XII вв. до н.э. до VIII–VII вв. (IX–VIII вв.) до н.э., это закончилось ассимиляцией европеоидов культуры керексуров монголоидами на востоке и монголоидов культуры плиточных могил европеоидами на западе. В целом встречные миграции групп населения культуры плиточных могил и культуры керексуров в конце бронзового века положили начало активному смешению и симбиозу монголоидов и европеоидов в этой части азиатского материка и, как следствие, метисации и тех, и других [Цыбиктаров 2018: 43, 46–51, 56].

Культура плиточных могил и ее взаимосвязи с культурой керексуров с оленными камнями являются первичным источником конвергенции европеоидов и монголоидов в Центральной Азии, приведшей к образованию центрально-азиатского антропологического типа [Цыбиктаров, Диймажавын 2022].

По вопросу происхождения плиточников существуют различные взгляды, например, монгольская и тюркская [Цыбиктаров 2017: 69]. Для доказательства отнесения культуры плиточных могил к монголоязычному миру необходимо привести существенные данные в виде конструктивных и иных признаков идентичности, коррелирующих с пережитым состоянием коренных современных и древних монголоязычных народов, кроме бурят. В мире монголоязычных должны быть обнаружены следы древнейшей конвергенции европеоидов и монголоидов в совокупности, обнаруживаемых, например, в данных:

- антропологии: европеоидный, переходный, центрально-азиатский типы;

- генетики: европеоидная генетическая примесь у коренных монголоязычных популяций с центрально-азиатским антропологическим типом;
- этнологии: независимое от тюркского возникновение кочевого скотоводства в Центральной Азии, предметы в скифском стиле; отражение скифского тотема *сака* 'олень' в коренных монгольских родоплеменных группах;
- декоративно-прикладного искусства: предметы, украшения в скифском зверином стиле, петроглифы автохтонного типа, перекрывающиеся петроглифами древних ираноязычных народов;
- фольклора: отражение в эпосе различных европеоидных персонажей и индоевропейских образов;
- лингвистики: древние и древнейшие прямые индоевропейские заимствования.

Согласно современным данным, прямые связи коренного монголоязычного мира с европеоидами в древнейшее время отсутствуют.

Далее рассматриваются тюркоязычные популяции. Была установлена корреляция миров пратюрков и хунну. Хронологически показательно, что хунну сменили предшествующую культуру плиточных могил [Цыбиктаров 2017: 63, 67]. Хозяйственный тип культуры плиточных могил коррелирует с хозяйственными типами хунну, пратюрков, с традиционным коневодством, скотоводством современных тюрков и бурят. Согласно данным языковой реконструкции, у прототюрков был тот же самый хозяйственный тип, что и у пратюрков, за исключением скотоводства и козоводства. Прототюрки существовали в тех же условиях, что и пратюрки. Лингвистически у прототюрков выявляются следы древнейшей языковой конвергенции с индоевропейцами в виде заимствований.

Языковая конвергенция европеоидов и монголоидов привела к языковому сдвигу первых. Европеоиды перешли с индоевропейского языка на прототюркский. Произошло первичное тюркское популяционное разнообразие. Этот процесс наблюдается сквозь призму дивергенции прототюркского языка, которая привела к возникновению пратюркского языкового континуума. В последнем имеются различные классификационные группы, представленные разными антропологическими типами.

Известно, что предками тюркских народов, хунну (сюнну) были носители культуры плиточных могил,

представленные на огромной восточной части Центральной Азии [Гумилёв 1993 : 37; Новгородова 1984: 124; 1989: 320, 321; Окладников, Запорожская 1970: 168;].

Последовательность событий с позиций относительной хронологии, антропологический тип, хозяйственный тип, данные петроглифов Забайкалья и Северной Монголии, распространение в одной и той же местности и факты популяционной и лингвистической конвергенции европеоидов и монголоидов позволяют совместить мир прототюрков и культуру плиточных могил.

Древнейшая археологическая конвергенция прототюрков (монголоидов культуры плиточных могил) с восточными индоевропейцами (европеоидами культуры керексоров и оленных камней) в конце III – середине II тыс. до н. э. в южном Забайкалье и Монголии явилась источником первичного тюркского многообразия форм, наблюдаемых в:

- антропологии пратюрков: европеоидный, переходный, центрально-азиатский типы;
- генетике: европеоидная генетическая примесь у тюркских популяций с центрально-азиатским антропологическим типом;
- этнологии: отражение скифского тотема *сака* 'олень' в тюркском материале;
- декоративно-прикладном искусстве: нагрудные украшения в виде гривен, пекторалей;
- фольклоре: отражение в эпосе европеоидных персонажей и индоевропейского бестиария;
- лингвистике: древние и древнейшие индоевропейские заимствования.

Возможно, эти события конвергенции европеоидов и монголоидов отражены во взаимоотношениях предков сюнну (хунну) с ди и жунами в китайских повествованиях Сыма Цяня [Сыма Цянь 2002: 324, 441].

Полученные данные позволяют последовательно возвести: (а) современных якутов, бурят (с учетом языкового и культурного сдвига), тувинцев, алтайцев к пратюркам, которые соотносятся с хунну; (б) пратюрков – к прототюркам, последние соотносятся с носителями культуры плиточных могил.

Таким образом, тюркский языковой континуум возник не в результате дивергенции (распада) алтайского (трансевразийского) праязыка, а в результате начавшейся конвергенции (схождения) прототюрков и европеоидов и их языков в рамках культур плиточных могил и керексоров с оленными камнями в промежутке с XIII–XII вв.

до н. э. до VIII–VII вв. (IX–VIII вв.) до н. э. в Южной Бурятии и Монголии и перехода европеоидов на прототюркский, завершившегося дивергенцией (распадом) прототюркского языка и образованием пратюркского. Прототюркский и пратюркский языки распространялись среди индоевропейцев. Пратюркский язык функционировал до I в. до н. э. в Монголии, т. е. до широкой конвергенции тюрков с миром древних китайцев и их языком. В связи с процессами конвергенции тюркская языковая классификация является не бинарной, а поликомпонентной, а характер связей алтайских языков является конвергентным, а не дивергентным.

Хронологические рамки мира пратюрков устанавливаются в степном регионе Центральной Азии, в бассейне р. Енисей, включая реки Монголии, до I в. до н. э., т. е. до широкой конвергенции тюрков с миром древних китайцев и их языком. После этого начинается мир древних тюрков.

Относительное время мира прототюрков устанавливается в промежутке с XIII–XII вв. до н. э. до VIII–VII вв. (IX–VIII вв.) до н. э. в Южной Бурятии и Монголии.

Заключение

Тема происхождения тюркского языкового континуума на фоне древнейших популяций *homo sapiens* для тюркологии и алтаистики остается актуальной длительное время. Применение сравнительного метода, методики выявления заимствований, трансдисциплинарного подхода, реконструкция отдельных фрагментов языка последовательно вскрывают миры пратюрков и прототюрков, их отношение к археологическим культурам хунну и плиточных могил. Представлено отношение авторов к идеям алтайского (трансевразийского) родства, возникновения первичного тюркского разнообразия на основе древней конвергенции европеоидов и монголоидов.

Пратюркская фонетическая специфика никак не сопоставима с монгольской и тунгусо-маньчжурской, что подвергает сомнению идею алтайского (трансевразийского) родства. У тюркских народов обнаруживается европеоидная генетическая примесь. Примеси не было у коренных монголов, тунгусо-маньчжуров, корейцев и японцев. Это обстоятельство свидетельствует об отсутствии генетического родства между тюрками, монголами, тунгусо-маньчжурами, корейцами и японцами и выявляет их конвергентные связи.

Факты языкового разнообразия обнаруживаются в тюркском праязыке. Пратюркский язык функционировал до I в. до н. э. в Монголии – прародине тюрков, т. е. до широкой конвергенции тюрков с миром древних китайцев и их языком. В связи с процессами конвергенции тюркская языковая классификация является не бинарной, а поликомпонентной, а характер связей алтайских языков является конвергентным, а не дивергентным. Разнообразный мир пратюрков соотносится с миром древних хунну, где были представлены различные популяции и языки. Согласно данным языковой реконструкции, обнаруживается, что миры пратюрков и прототюрков в основном функционировали в тех же условиях.

Мир прототюрков соотносится с культурой плиточных могил. Мир прототюрков связан со сменой времен года, местами, пригодными для животноводства, изобилующими водными объектами, но с периодически возникающими экстремальными явлениями природы, приводящими к падежу скота от бескормицы на границе степи и горной местности. Прототюрки, будучи кочевниками, занимались, например, шитьем, обтесыванием различных материалов, изготовливанием лука, производством масла, имели представление о письме и знали счет. Прототюрки дали старт пратюркам и их языку. Первичное прототюркское популяционное разнообразие произошло в Монголии, в результате перехода европеоидов на прототюркский язык.

Тюркский языковой континуум возник не в результате дивергенции (распада) алтайского (трансевразийского) праязыка, а в результате начавшейся конвергенции (схождения) прототюрков и европеоидов и их языков в рамках культур плиточных могил и керексурсов с оленными камнями в промежутке с XIII–XII вв. до н. э. до VIII–VII вв. (IX–VIII вв.) до н. э. в Южной Бурятии и Монголии и перехода европеоидов на прототюркский, завершившегося дивергенцией (распадом) прототюркского языка и образованием пратюркского. Прототюркский и пратюркский языки распространялись среди индоевропейцев. Возможно, эти события отражены во взаимоотношениях предков сюнну (хунну) с ди и жунами в китайских повествованиях.

Изложенные рассуждения в части соотнесения мира пратюрков и хунну, мира прототюрков и культуры плиточных могил представляют собой исключительно авторскую концепцию, не претендующую

на абсолютную истину и требующую дальнейшей верификации. Данное утверждение указывает на открытость авторов к обсуждению дискуссионных моментов.

Полученные новые результаты по реконструкции особенностей мира прототюрков на основе одно-сложных основ, наряду с применением актуального трансдисциплинарного подхода на тюркском и алтайском материале, формируют научную новизну исследования.

Практическая значимость заключается в продвижении в научном и образовательном пространстве трансдисциплинарного подхода в исследовании популяций *homo sapiens*, в частности в тюркской и алтайской общности; в научном обеспечении развития тюркских и алтайских народов.

Направлениями дальнейших поисков могут быть продолжение реконструкции прототюркского вокабуляра, уточнение мира тюрков, пратюрков и прототюрков, расширение и углубление исследований, например, по монгольским, тунгусо-маньчжурским, корейским, японским и другим народам с позиций трансдисциплинарного подхода.

Отдельно нужно отметить значимость исследования тюркских языков Александром Михайловичем Щербаком – выдающимся тюркологом и алтаистом, которому 18 декабря 2026 г. исполняется 100 лет со дня рождения, что должно быть отмечено тюркологами и алтаистами.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: И. Н. Новгородов – написание текста статьи. С. В. Охотникова – консультирование по чувашскому материалу на завершающем этапе написания статьи. Работа над разделом Результаты статьи выполнялась авторами отдельно и совместно. Весь якутский и чувашский материал внесен и этимологизирован И. Н. Новгородовым. Материалы внесены по тувинскому языку О. М.-о. Саая, по кыргызскому – Р. Э. Конурбаевой. И. Н. Новгородов вносил отдельный тувинский, кыргызский материал, данные из этимологических

словарей и сравнительно-исторических и других трудов по тюркскому, чувашскому, тувинскому, кыргызскому и иным языкам. В некоторых случаях разработка по конкретному языку осуществлялась совместно, например, материал вносился автором по конкретному языку, а этимология осуществлялась И. Н. Новгородовым; в таких случаях использованы несколько разных помет: ИН – И. Н. Новгородов, ОС – О. М.-о. Саая, РК – Р. Э. Конурбаева.

Contribution: I. N. Novgorodov wrote the manuscript; S. V. Okhotnikova consulted on the Chuvash material. The work on the results section of the article was performed by the authors separately or jointly. I. N. Novgorodov contributed and etymologized all Yakut and Chuvash material; O. M.-o. Saaya provided the Tuvan materials; R. E. Konurbaeva provided the Kyrgyz materials. I. N. Novgorodov contributed separate Tuvan and Kyrgyz examples, as well as data from etymological dictionaries and comparative-historical and other works on the Turkic, Chuvash, Tuvan, Kyrgyz and other languages. In some cases, the analysis was carried out jointly, e.g., the material was contributed by one of the authors and etymologized by I. N. Novgorodov (marked as IN for I. N. Novgorodov, OS for O. M.-o. Saaya, RK for R. E. Konurbaeva).

Благодарности: И. Н. Новгородов выражает благодарность коллегам: генеральному директору Николаеву Владимиру Рудольфовичу, менеджеру по работе с корпоративными клиентами Шумарт Екатерине Олеговне АО «Авиакомпания Якутия» за помощь в предоставлении транспортных услуг для очного участия во II Международной научно-практической конференции «Славяно-тюркский мир: история и современность», приуроченной к 105-летию создания национальных автономий в РСФСР и 100-летию Чувашской АССР 25–27 июня 2025 г. в г. Чебоксары, на которой был представлен доклад, ставший основой данной статьи.

Acknowledgments: I. N. Novgorodov expresses his sincere gratitude to his colleagues at Yakutia Airlines JSC – Vladimir R. Nikolaev, General Director, and Ekaterina O. Shumart, Corporate Clients Manager – for their assistance in providing transportation services for his in-person participation in the II International Scientific and Practical Conference "The Slavic-Turkic World: History and Modernity" (June 25–27, 2025, Cheboksary). The report presented at that conference became the basis for this article.

Сокращения языков:

аз. – азербайджанский язык,
алт. – алтайский язык,
алт.-урянх. – идиома алтае-урянхайцев,
араб. – арабский язык,
бур. – бурятский язык,
вотск. – удмуртский язык,
др.-тюрк. – язык памятников древнетюркской
письменности,
др.-уйг. – древнеуйгурский язык,
зырянск. – коми-зырянский язык,
ин.-ев. – индоевропейский язык,
каз. – казахский язык,
кал. – калмыцкий язык,
м.-п. – монгольский письменный язык,
ма. – маньчжурский язык,
мо. – монгольский язык,
монг. – современный монгольский язык,

осет. – осетинский язык,
рус. – русский язык,
санскр. – санскрит,
ср.-монг. – среднемонгольский язык,
ср.-пр. – среднеперсидский язык,
ст.-узб. – староузбекский язык,
сюг. – сарыг-югурский язык,
тат. – татарский язык,
тел. – телеутский язык,
тоф. – тофаларский язык,
тох. А – тохарский А язык,
тох. В – тохарский В язык,
тур. – турецкий язык,
турк. – туркменский язык,
уйг. – уйгурский язык,
тюрк. – тюркский язык,
хак. – хакасский язык,
чаг. – чагатайский язык.

Литература / References

- Алексеев В. П., Гохман И. И. Антропология азиатской части СССР. М.: Наука, 1984. 208 с. [Alekseev V. P., Gokhman I. I. *Anthropology of the Asian part of the USSR*. Moscow: Nauka, 1984, 208. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tdbaqz>
- Алексеева Т. И., Богатенков Д. В., Дробышевский С. В. Антропология. М.: ИДО РУДН, 2004. 459 с. [Alekseeva T. I., Bogatenkov D. V., Drobyshesky S. V. *Anthropology*. Moscow: IDE PFUR, 2004, 459. (In Russ.)]
- Алпатов В. М. Актуально ли учение Марра? *Вопросы языкознания*. 2006. № 1. С. 3–15. [Alpatov V. M. Is N. Ja. Marr's doctrine up-to-date? *Voprosy Jazykoznanija*, 2006, (1): 3–15. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/hsyfvj>
- Антонов Н. К. Материалы по исторической лексике якутского языка. Якутск: Якуткнигоиздат, 1971. 184 с. [Antonov N. K. *Materials on the historical vocabulary of the Yakut language*. Yakutsk: Yakutknigoizdat, 1971, 184. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ypsayd>
- Бенцинг И. Языки гуннов, дунайских и волжских болгар. *Зарубежная тюркология. Вып. 1. Древние тюркские языки и литературы*, отв. ред. А. Н. Кононов. М.: Наука, 1986. С. 11–28. [Benzing I. Languages of the Huns, Danube and Volga Bulgarians. *Foreign Turkology. Iss. 1. Ancient Turkic languages and literatures*, ed. Kononov A. N. Moscow: Nauka, 1986, 11–28. (In Russ.)]
- Бётлингк О. Н. О языке якутов. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1990. 645 с. [Böhtlingk O. N. *About the Yakut language*. Novosibirsk: Nauka. Sib. otd-ie, 1990, 645. (In Russ.)]
- Гумилёв Л. Н. Хунну: Степная трилогия. СПб.: Тайм-аут-Компасс, 1993. 224 с. [Gumilev L. N. *Xiongnu: The Steppe trilogy*. St. Petersburg: Time-Out-Kompass, 1993, 224. (In Russ.)]
- Дёрфер Г. Базисная лексика и алтайская проблема. *Вопросы языкознания*. 1981. № 4. С. 35–44. [Doerfer G. Basic vocabulary and the Altai problem. *Voprosy Jazykoznanija*, 1981, (4): 35–44. (In Russ.)]
- Дёрфер Г. О языке гуннов. *Зарубежная тюркология. Вып. 1. Древние тюркские языки и литературы*, отв. ред. А. Н. Кононов. М.: Наука, 1986. С. 71–134. [Doerfer G. On the language of the Huns. *Foreign Turkology. Iss. 1. Ancient Turkic languages and literatures*, ed. Kononov A. N. Moscow: Nauka, 1986, 71–134. (In Russ.)]
- Донгак А. С. О., Бадарч Б. Некоторые особенности эпической традиции урянхайцев западной Монголии, связанные с исполнением сказок. *Азиатские исследования: история и современность*. 2025. № 2. С. 33–49. [Dongak A. S. O., Badarch B. Some features of the epic tradition of the Uriankhai people of Western Mongolia related to the performance of fairy tales. *Asian Studies: History and Modernity*, 2025, (2): 33–49. (In Russ.)] <https://doi.org/10.63124/2782-6139-2025-2-14-33-49>

- Егоров Н. И. Избранные труды по этнолингвогенезу и этнической истории чувашского народа. Чебоксары: Новое время, 2017. Кн. 1. 428 с. [Egorov N. I. *Selected works on ethnolinguogenesis and ethnic history of the Chuvash people*. Cheboksary: Novoe vremia, 2017, book 1, 428. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/iyredh>
- Иванов В. В. Моногенеза теория. *Лингвистический энциклопедический словарь*, отв. ред. В. Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 308–309. [Ivanov V. V. Monogenesis theory. *Linguistic encyclopedic dictionary*, ed. Iartseva V. N. Moscow: Sov. entsiklopediia, 1990, 308–309. (In Russ.)]
- Иванов В. П. Предыстория чувашского народа (до VIII в.). *Чуваши: история и культура*, ред. В. П. Иванов. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2009. Т. 1. С. 33–39. [Ivanov V. P. Prehistory of the Chuvash people (up to the 8th century). *Chuvash: History and culture*, ed. Ivanov V. P. Cheboksary: Chuvash. kn. izd-vo, 2009, vol. 1, 33–39. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tvlbbl>
- Иллич-Свитыч В. М. Опыт изучения ностратических языков. Т. II. I–ǰ. М.: Наука, 1976. 156 с. [Illich-Svitych V. M. *Experience in the study of Nostratic languages*. Vol. II. I–ǰ. Moscow: Nauka, 1976, 156. (In Russ.)]
- Илюшин Б. А. Очерки по истории древних кочевых народов группы дунху. Ч. 1. Дунху, ухуани, ранние сяньби. Новосибирск: НГУ, 2025. 368 с. [Ilyushin B. A. *Essays on the history of ancient nomadic peoples of the Donghu group*. Pt. 1. Donghu, Wuhuan, early Xianbei. Novosibirsk: NSU, 2025, 368. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25205/978-5-4437-1766-1>
- Клоусон Дж. Лексикостатистическая оценка алтайской теории. *Вопросы языкознания*. 1969. № 5. С. 22–41. [Clauson G. Lexicostatistical assessment of the Altai theory. *Voprosy Jazykoznanija*, 1969, (5): 22–41. (In Russ.)]
- Козинцев А. Г. На кого были похожи карасукцы? *Этнографическое обозрение*. 2023. № 3. С. 150–164. [Kozintsev A. G. Whom did the Karasuk people resemble? *Etnograficheskoe obozrenie*, 2023, (3): 150–164. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31857/S0869541523030089>
- Константинов И. В. Происхождение якутского народа и его культуры. *Якутия и ее соседи в древности*, отв. ред. Ю. А. Мочанов. Якутск: Якутский филиал СО АН СССР, 1975. С. 106–173. [Konstantinov I. V. The origin of the Yakut people and its culture. *Yakutia and its neighbors in ancient times*, ed. Mochanov Yu. A. Yakutsk: Yakutsk branch of SO AS SSSR, 1975, 106–173. (In Russ.)]
- Кормушин И. В. Тобаская группа. In: Тенишев Э. Р., Дыбо А. В., Левитская Л. С. и др. *Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Региональные реконструкции*. М.: Наука, 2002. С. 600–660. [Kormushin I. V. Toba group. In: Tenishev E. R., Dybo A. V., Levitskaya L. S. et al. *Comparative-historical grammar of the Turkic languages. Regional reconstructions*. Moscow: Nauka, 2002, 600–660. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vmongx>
- Левитская Л. С., Дыбо А. В., Рассадин В. И. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские лексические основы на буквы «К», «Қ». М.: ЯРК, 1997. 368 с. [Levitskaya L. S., Dybo A. V., Rassadin V. I. *Etymological dictionary of the Turkic languages. Common Turkic and Inter-Turkic lexical bases for the letters "K", "K"*. Moscow: IaRK, 1997, 368. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rxmutd>
- Мелиоранский П. М. Араб филолог о монгольском языке (текст, перевод, глоссарий и комментарий). *Записки Восточного Отделения Императорского Русского Археологического Общества*. 1904. Т. 15. 1902–1903. С. 75–172. [Melioranskii P. An Arab philologist on the Mongolian language: Text, translation, glossary, and commentary. *Zapiski Vostochnogo Otdeleniya Imperatorskogo Russkogo Arkheologicheskogo Obshchestva*, 1904, 15. 1902–1903: 75–172. (In Russ.)]
- Монгуш Б. Б. Племена, связанные с этногенезом тувинцев в предмонгольское время. *Аранчиновские чтения: материалы III–IV чтений*. Кызыл: ТИГПИ, 2021. [Mongush B. B. Tribes associated with the ethnogenesis of Tuvans in Pre-Mongol times. *Aranchynov Readings: Proc. III–IV Readings*. Kyzyl: TIGPI, 2021. (In Russ.)] URL: <https://vk.ru/@tigpi-plemena-svyazannye-s-etnogenezom-tuvincev-v-predmongolskoe-v> (accessed 15 Aug 2025).
- Новгородов И. Н. Арктические алтайские языки. *Языки и литературы народов северо-востока России: современное состояние и перспективы развития*, отв. ред. А. А. Винокурова. Якутск: Сахаада, 2022. С. 26–29. [Novgorodov I. N. The Arctic Altai languages. *Languages and literatures of the peoples of the north-east of Russia: Current state and development prospects*, ed. Vinokurova A. A. Yakutsk: Sahaada, 2022, 26–29. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/uvzkrpz>
- Новгородов И. Н. Возникновение пратюрков и их языка. *Славяно-тюркский мир: история и современность: Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. уч. (Чебоксары, 24–26 июня 2024 г.)* Чебоксары: ЧГИГН, 2024. С. 168–179. [Novgorodov I. N. The emergence of the pratyurks and their language. *The Slavic-Turkic world:*

- History and modernity: Proc. All-Russian Sci.-Prac. Conf. with Intern. participation, Cheboksary, 24–26 Jun 2024. Cheboksary: ChSIHS, 2024, 168–179. (In Russ.)* <https://elibrary.ru/nvufcp>
- Новгородов И. Н. К вопросу о характере тюркско-тунгусо-маньчжурских языковых связей. С. А. Новгородов и новое в якутском языкознании. Якутск: Якутский филиал СО РАН, 2003. С. 146–168. [Novgorodov I. N. The nature of the Turkic-Tungus-Manchu language connections. S. A. Novgorodov and the new in the Yakut linguistics. Yakutsk: Yakutsk branch of SO RAS, 2003, 146–168. (In Russ.)]
- Новгородов И. Н. О гипотезе языковых контактов якутов и эвенков в раннем Средневековье в связи с этнонимом саха (якут). *Восток. Афро-азиатские общества: история и современность*. 2009. № 2. С. 105–107. [Novgorodov I. N. On a hypothesis of the language contacts between the Yakuts and the Evenks in the early Middle Ages in connection with the ethnic name Sakha (Yakut). *Vostok (Oriens)*, 2009, (2): 105–107. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kknbt1>
- Новгородов И. Н. Трансдисциплинарные данные о якутско-западно-бурятском единстве и миграции якутов из циркумбайкальского региона в Якутию в XIV веке. *Мир фольклора в контексте истории и культуры монгольских народов: науч.-практ. конф. (Иркутск, 30–31 октября 2025 г.)* Иркутск: ИГУ. С. 35–47. [Novgorodov I. N. Transdisciplinary data on the Yakut-Western Buryat unity and migration of the Yakuts from the Circum-Baikal region to Yakutia in the 14th century. *The world of folklore in the context of the history and culture of the Mongolian peoples: Proc. Sci.-Prac. Conf., Irkutsk, 30–31 Oct 2025*. Irkutsk: ISU, 35–47. (In Russ.)]
- Новгородов И. Н. Якутский язык в генетической классификации. *Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык*. 2021. № 4. С. 149–179. [Novgorodov I. N. The Yakut language in genetic classification. *Crede Experto: Transport, Society, Education, Language*, 2021, (4): 149–179. (In Russ.)] https://doi.org/10.51955/2312-1327_2021_4_149
- Новгородов И. Н., Захарова А. Е. Отражение древнейших тюркско-индоевропейских связей у якутов, чувашей и татар: археология, антропология, генетика, лингвистика, фольклористика (к постановке проблемы). *Татары и чувашы – ветви одного древа: Всерос. науч.-практ. конф. (Чебоксары-Казань, 7–8 октября 2021 г.)* Чебоксары: Новое Время, 2021. С. 271–277. [Novgorodov I. N., Zakharova A. E. Reflection of ancient Turkic-Indo-European relations in the Yakuts, Chuvash and Tatars: Archeology, anthropology, genetics, linguistics, folkloristics (to the statement of the problem). *Tatars and Chuvashes: branches of the same tree: Proc. All-Russian Sci.-Prac. Conf., Cheboksary-Kazan, 7–8 Oct 2021*. Cheboksary: Novoe Vremia, 2021, 271–277. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/cdjowl>
- Новгородова Э. А. Древняя Монголия (Некоторые проблемы хронологии и этнокультурной истории). М.: ГРВЛ, 1989. 383 с. [Novgorodova E. A. *Ancient Mongolia: Some issues of chronology and ethnocultural history*. Moscow: GRVL, 1989, 383. (In Russ.)]
- Новгородова Э. А. Мир петроглифов Монголии. М.: ГРВЛ, 1984. 168 с. [Novgorodova E. A. *The world Mongolian petroglyphs*. Moscow: GRVL, 1984, 168. (In Russ.)]
- Окладников А. П., Запорожская В. Д. Петроглифы Забайкалья. Л.: Наука, 1970. Ч. 2. 264 с. [Okladnikov A. P., Zaporozhskaya V. D. *Petroglyphs of Transbaikalia*. Leningrad: Nauka, 1970, pt. 2, 264. (In Russ.)]
- Поляков А. В. Проблема сложения окуневской культуры в свете современных научных данных. *Научное обозрение Саяно-Алтая*. 2020. № 1. С. 3–6. [Polyakov A. V. The problem of origin of the Okunev culture in the light of modern scientific data. *Sayan-Altai Scientific Review*, 2020, (1): 3–6. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zvxznd>
- Пуллиблэнк Э. Дж. Язык сюнну. *Зарубежная тюркология. Вып. 1. Древние тюрские языки и литературы*, отв. ред. А. Н. Кононов. М.: Наука, 1986. С. 29–70. [Pulleyblank E. J. The language of the Xiongnu. *Foreign Turkology. Iss. 1. Ancient Turkic languages and literatures*, Kononov A. N. Moscow: Nauka, 1986, 29–70. (In Russ.)]
- Рассадин В. И. Очерки по истории сложения тюрко-монгольской языковой общности. Ч. 1. Тюркское влияние на лексику монгольских языков. Элиста: КалмГУ, 2011. 167 с. [Rassadin V. I. *Studies on the history of Turkic-Mongolian linguistic community formation. Pt. 1. The Turkic influence on the lexicon of Mongolian languages*. Elista: KalmSU, 2011, 167. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/aneipc>
- Реформатский А. А. Введение в языкознание. М.: Учпедгиз, 1960. 432 с. [Reformatskii A. A. *Introduction to linguistics*. Moscow: Uchpedgiz, 1960, 432. (In Russ.)]
- Севортян Э. В., Левитская Л. С. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межатюркские лексические основы на буквы «Ж», «Ж», «Й». М.: Наука, 1989. 293 с. [Sevortyan E. V., Levitskaya L. S. *Etymological*

- dictionary of the Turkic languages. *Common Turkic and Inter-Turkic lexical bases for the letters "Ж", "Ж", "Й"*. Moscow: Nauka, 1989, 293. (In Russ.)]
- Солодовников К. Н. Антропологические материалы из могильника андроновской культуры Фирсово XIV к проблеме формирования населения Верхнего Приобья в эпоху бронзы. *Вестник археологии, антропологии и этнографии*. 2006. № 6. С. 127–147. [Solodovnikov K. N. Anthropological materials from the Andronovo culture burial ground of Firsovo XIV on the problem of the formation of the Upper Ob region population during the Bronze Age. *Vestnik Archeologii, Antropologii i Etnografii*, 2006, (6): 127–147 (In Russ.)] <https://elibrary.ru/jwodul>
- Солодовников К. Н. Материалы к антропологии афанасьевской культуры. *Древности Алтая*, отв. ред. В. И. Соёнов. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2003. Т. 10. С. 3–27. [Solodovnikov K. N. Materials for the anthropology of the Afanasievo culture. *Antiquities of Altai*, ed. Soionov V. I. Gorno-Altai: GASU, 2003, 3–27. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tqdzgp>
- Солодовников К. Н., Тумен Д., Эрдэнэ М. Краниология чемурчекской культуры западной Монголии. *Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции)*: Междунар. конф. (Санкт-Петербург, 18–22 ноября 2019 г.) СПб.: ИИМК РАН, 2019. Т. II. С. 79–81. [Solodovnikov K. N., Tumen D., Erdene M. Craniology of the Chemurchek culture in Western Mongolia. *Antiquities of Eastern Europe, Central Asia, and Southern Siberia in the Context of Connections and Interactions in the Eurasian Cultural Space (New Data and Concepts)*: Proc. Intern. Conf., St. Petersburg, 18–22 Nov 2019. St. Petersburg: IIMC RAS, 79–81. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31600/978-5-907053-35-9-79-81>
- Сыма Цянь. Исторические записки Ши цзи. М.: Вост. лит., 2002. 510 с. [Ssu-ma Ch'ien. *Historical records (Shih chi)*. Moscow: Vost. lit., 2002, 510. (In Russ.)]
- Туймебаев Ж. К. Тюркско-монгольские лексические соответствия в зеркале трансевразийского нарратива и ближайшие перспективы изучения актуальных проблем алтаистики. *Славяно-тюркский мир: история и современность*: Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. уч. (Чебоксары, 24–26 июня 2024 г.) Чебоксары: ЧГИГН, 2024. С. 256–265. [Tuimebaev J. K. Turkic-Mongolian lexical equivalents in the Trans-Eurasian narrative and the nearest perspectives of studying topical problems of Altaic studies. *The Slavic-Turkic world: History and modernity*: Proc. All-Russian Sci.-Prac. Conf. with Intern. participation, Cheboksary, 24–26 Jun 2024. Cheboksary: ChSIHS, 2024, 256–265. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/jrmomg>
- Цыбиктаров А. Д. К истокам формирования скотоводческого хозяйства бурят. *Известия Иркутского государственного университета. Серия Геоархеология. Этнология. Антропология*. 2017. Т. 20. С. 61–76. [Tsybiktarov A. D. On the origin of the cattle breeding among Buryats. *Bulletin of Irkutsk State University. Geoarchaeology. Ethnology, and Anthropology Series*, 2017, 20: 61–76. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zpchbj>
- Цыбиктаров А. Д. Становление производящего хозяйства в Южном Забайкалье в эпоху энеолита и ранней бронзы (конец III – середина II тыс. до н.э.). *Вестник Бурятского государственного университета*. 2012. № S2. С. 83–87. [Tsybiktarov A. D. The formation of producing economy in the Southern Transbaikalye in the Eneolithic and Early Bronze Age (the end of the late IIIrd – the middle of the IInd millennium B.C.). *Bulletin of Buryat State University*, 2012, (S2): 83–87. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pbicyj>
- Цыбиктаров А. Д. Этнокультурные процессы в Юго-Западном Забайкалье в эпоху поздней бронзы и раннего железа. *Известия Лаборатории древних технологий*. 2018. Т. 14. № 4. С. 42–63. [Tsybiktarov A. D. Ethnocultural processes in the South-Western Transbaikalia in the late Bronze and early Iron Age. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*, 2018, 14(4): 42–63. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yzvhmt>
- Цыбиктаров А. Д., Диймажавын Э. Археологические источники о формировании антропологического типа монголов и бурят. *Банзаровские чтения*: Междунар. науч. конф. (Улан-Удэ, 30–31 марта 2022 г.) Улан-Удэ: БГУ, 2022. Ч. 1. С. 79–85. [Tsybiktarov A. D., Dyimajavyn E. Archaeological sources about forming the anthropological type of the Mongols and Buryats. *Banzarov Readings*: Proc. Intern. Sci. Conf., Ulan-Ude, 30–31 Mar 2022. Ulan-Ude: BSU, 2022, 79–85. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18101/978-5-9793-1709-0-79-85>
- Чугунов К. В. Азиатские пекторали раннескифского времени. *Ладога в контексте истории и археологии северной Евразии*: XVII Чтения памяти Анны Мачинской (Старая Ладога, 22–23 декабря 2012 г.) и XVIII Чтения памяти Анны и Дмитрия Алексеевича Мачинских. (Старая Ладога, 21–22 декабря 2013 г.) СПб.: Нестор-История, 2014. С. 59–71. [Chugunov K. V. Asian pectorals of the early Scythian period. *Ladoga in the context*

- of the history and archaeology of Northern Eurasia: 17th Readings in memory of Anna Machinskaia, Staraya Ladoga, 22–23 Dec 2012, and XVIII Readings in memory of Anna and Dmitry Alekseevich Machinskaia, Staraya Ladoga, 21–22 Dec 2013. St. Petersburg: Nestor-Istoriia, 2014, 59–71. (In Russ.)]*
- Чугунов К. В. Искусство Аржана-2: стилистика, композиция, иконография, орнаментальные мотивы. *Европейская Сарматия: конф. в рамках XIV Чтений памяти Анны Мачинской. (Старая Ладога, 26–27 декабря 2009 г.)* СПб.: Нестор-История, 2011. С. 39–60. [Chugunov K. V. Art of Arzhan 2: Stylistics, composition, iconography, and ornamental motifs. *European Sarmatia: Proc. Conf. at 14th Readings in Memory of Anna Machinskaia, Staraya Ladoga, 26–27 Dec 2009. St. Petersburg: Nestor-Istoriia, 2011, 39–60. (In Russ.)]*
- Чугунов К. В. Парадные пекторали из тувинской долины царей. *Camera Praehistorica*. 2024. № 1. С. 116–131. [Chugunov K. V. Ceremonial pectorals from the Tuvan Valley of the Kings. *Camera Praehistorica*, 2024, (1): 116–131. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31250/2658-3828-2024-1-116-131>
- Широкогоров С. М. Этнографические исследования. Кн. 2. Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений. Владивосток: ДВФУ, 2002. 148 с. [Shirokogorov S. M. *Ethnographic research. Book 2. Ethnos. A study of the basic principles of change in ethnic and ethnographic phenomena. Vladivostok: FEPU, 2002, 148. (In Russ.)*] <https://elibrary.ru/xsuovx>
- Шухардт Г. Избранные статьи по языкознанию. М.: Иностр. лит., 1950. 292 с. [Schuchardt H. *Selected articles on linguistics. Moscow: Inostr. lit., 1950, 292. (In Russ.)*]
- Щербак А. М. Введение в сравнительное изучение тюркских языков. СПб.: Наука, 1994. 191 с. [Shcherbak A. M. *Introduction to the comparative study of Turkic languages. St. Petersburg: Nauka, 1994, 191. (In Russ.)*]
- Щербак А. М. Названия домашних и диких животных в тюркских языках. *Историческое развитие лексики тюркских языков*, отв. ред. Е. И. Убрятова. М.: АН СССР, 1961. С. 82–172. [Shcherbak A. M. Names of domestic and wild animals in the Turkic languages. *Historical development of the vocabulary of the Turkic languages*, ed. Ubryatova E. I. Moscow: AS SSSR, 1961, 82–172. (In Russ.)]
- Щербак А. М. О методике исследования языковых параллелей (в связи с алтайской гипотезой). М., 1960. [Shcherbak A. M. *Methodology of studying linguistic parallels: The Altai hypothesis. Moscow, 1960. (In Russ.)*]
- Щербак А. М. Об алтайской гипотезе в языкознании. *Вопросы языкознания*. 1959. № 6. С. 51–63. [Shcherbak A. M. The Altai hypothesis in linguistics. *Voprosy Jazykoznanija*, 1959, (6): 35–44. (In Russ.)]
- Щербак А. М. Очерки для этимологического словаря тунгусо-маньчжурских языков. Заимствованный фонд: тюркизмы, монголизмы. СПб.: ИЛИ РАН, 2020. 227 с. [Shcherbak A. M. *Essays for the etymological dictionary of the Tungus-Manchu languages. Borrowings: Turkisms, Mongolisms. St. Petersburg: ILI RAN, 2020, 227. (In Russ.)*]
- Щербак А. М. Ранние тюрко-монгольские языковые связи (VIII–XIV вв.). СПб.: ИЛИ РАН, 1997. 292 с. [Shcherbak A. M. *Early Turkic-Mongolian language relations (8th–14th centuries). St. Petersburg: ILI RAN, 1997, 292. (In Russ.)*]
- Щербак А. М. Рец.: Doerfer G. Mongolo-Tungusica. Wiesbaden, Otto Harrassowitz, 1985. 307 S. *Вопросы языкознания*. 1989. № 6. С. 132–135. [Shcherbak A. M. Rev.: Doerfer G. Mongolo-Tungusica. Wiesbaden, Otto Harrassowitz, 1985. 307 p. *Voprosy Jazykoznanija*, 1989, (6): 132–135. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vygpwb>
- Щербак А. М. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л.: Наука, 1970. 210 с. [Shcherbak A. M. *Comparative phonetics of Turkic languages. Leningrad: Nauka, 1970, 210. (In Russ.)*]
- Щербак А. М. Тюрко-монгольские языковые связи (К проблеме взаимодействия и смешения языков). *Вопросы языкознания*. 1986. № 4. С. 47–59. [Shcherbak A. M. Turkic-Mongolian language relations: Interaction and mixing of languages. *Voprosy Jazykoznanija*, 1986, (4): 47–59. (In Russ.)]
- Щербак А. М. Тюрко-монгольские языковые контакты в истории монгольских языков. СПб.: Наука, 2005. 195 с. [Shcherbak A. M. *Turkic-Mongolian language contacts in the history of Mongolian languages. St. Petersburg: Nauka, 2005, 195. (In Russ.)*] <https://elibrary.ru/qrugev>
- Яхонтов С. Е. Языки северных соседей китайцев в I тыс. до н.э. *Историко-культурные контакты народов алтайской языковой общности: XXIX Междунар. алтаистической конф. (Ташкент, сентябрь 1986 г.)* М.: Наука, 1986. Т. 1. С. 73–75. [Yakhontov S. E. Languages of the Northern neighbors of the Chinese in the 1st Millennium BC. *Historical and cultural contacts of the peoples of the Altaic language community: XXIX Intern. Altaic Conf., Tashkent, Sep 1986. Moscow: Nauka, 1986, vol. 1, 73–75. (In Russ.)*]
- Clauson G. *Turkish and Mongolian studies*. London: Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland, 1962, 261.

- Doerfer G. *Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen*. Bd. I–IV. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag, 1963–1975. Bd. I. 1963, 560; Bd. II. 1965, 671; Bd. III. 1967, 670; Bd. IV. 1972, 650.
- Doerfer G. *Mongolo-Tungusica*. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1985, 307.
- Janhunen J. The Tungusic languages: A history of contacts. *Current Trends in Altaic Linguistics*, eds. Kim Juwon, Ko Dongho. Altaic Society of Korea, 2013, 17–60.
- Kozintsev A. G. The origin of the Karasuk People: Craniometric evidence. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2024, 52(2): 143–153. <https://doi.org/10.17746/1563-0102.2024.52.2.143-153>
- Lee J.-Y., Kuang S. A Comparative analysis of Chinese historical sources and Y-DNA studies with regard to the early and medieval Turkic peoples. *Inner Asia*, 2017, 19(2): 197–239. <https://doi.org/10.1163/22105018-12340089>
- Melioranskij P. Rev.: Grønbech V. Forstudier til tyrkisk Lydhistorie. København, 1902. *Göttingische gelehrte Anzeigen*, 1904, (6): 491–499.
- Miller R. A. *Japanese and the other Altaic languages*. Chicago-London: University of Chicago Press, 1971, 331.
- Müller M. *Lectures on the science of language*. New York: Charles Scribner, 1862, 385.
- Pakendorf B. *Contact in the prehistory of the Sakha (Yakuts): Linguistic and genetic perspectives*. Utrecht: Landelijke Onderzoekschool Taalwetenschap, 2007, 375. <https://elibrary.ru/ymgsvv>
- Pakendorf B., Novgorodov I. N. Loanwords in Sakha (Yakut), a Turkic language of Siberia. *Loanwords in the world's language: A comparative handbook*, eds. Haspelmath M., Tadmor U. Berlin: De Gruyter Mouton, 2009, 496–524. <https://elibrary.ru/rhqqud>
- Pakendorf B., Stoneking M., Novgorodov I. N., Osakovskij V. L., Danilova A. P., Protod'jakonov A. P. Investigating the effects of prehistoric migrations in Siberia: Genetic variation and the origins of yakuts. *Human Genetics*, 2006, 120(3): 334–353. <https://doi.org/10.1007/s00439-006-0213-2>
- Poppe N. *Vergleichende Grammatik der altaischen Sprachen. Teil 1. Vergleichende Lautlehre*. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1960, 188.
- Pugach I., Matveev R., Spitsyn V., Makarov S., Novgorodov I., Osakovsky V., Stoneking M., Pakendorf B. The complex admixture history and recent southern origins of Siberian populations. *Molecular Biology and Evolution*, 2016, 33(7): 1777–1795. <https://doi.org/10.1093/molbev/msw055>
- Radloff W. *Vergleichende Grammatik der nordischen Turk Sprachen. Th. I. Phonetik*. Leipzig, 1882, 318.
- Ramstedt G. J. *Einführung in die altaische Sprachwissenschaft*. Helsinki: Suomalais – Ugrilainen Seura, 1952–1966. Bd. I. 1957, 192; Bd. II. 1952, 262; Bd. III. 1966, 171.
- Robbeets M. *Diachrony of Verb Morphology. Japanese and the Transeurasian Languages*. Berlin-Boston: Walter de Gruyter GmbH, 2015, 550. <https://elibrary.ru/wuhxhp>
- Robbeets M. The language of the Transeurasian farmers. *Language dispersal beyond farming*, ed. Robbeets M., Savelyev A. Amsterdam: Benjamins, 2017, 93–121. <https://doi.org/10.1075/z.215.05rob>
- Robbeets M., Bouckaert R., Conte M., Savelyev A., Li T., An D.-I., Shinoda K.-i., Cui Y., Kawashima T., Kim G. et al. Triangulation supports agricultural spread of the Transeurasian languages. *Nature*, 2021, 599: 616–621. <https://doi.org/10.1038/s41586-021-04108-8>
- Schott W. *Über das altaische oder finnisch-tatarische Sprachengeschlecht*. Berlin: bei G. Reimer, 1849, 147.
- Starostin S., Dybo A., Mudrak O. *Etymological dictionary of the Altaic languages*. Brill, 2003. Vol. 1, VI+852; Vol. 2, IV+700; Vol. 3, IV+540.
- Thomason S., Kaufman T. *Language contact, creolization, and genetic linguistics*. Berkeley: University of California Press, 1991, 411.
- Vovin A. *Korea-Japonica: A re-evaluation of a common genetic origin*. Honolulu: University of Hawai'i Press. Center for Korean Studies, University of Hawai'i, 2010, 278 p.
- Vovin A. The end of the Altaic controversy in memory of Gerhard Doerfer. *Central Asiatic Journal*, 2005, 49(1): 71–132. <https://elibrary.ru/loyael>
- Zubova A. V. Dental affinities of the Irmen people, Western Siberia. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2013, 41(3): 132–139. <https://doi.org/10.1016/j.aeae.2014.03.017>